

Блажко А. В.
независимый исследователь
(Россия, Санкт-Петербург)

**К ИСТОРИИ ФОНДА Е. Г. ПЧЕЛИНОЙ В СПбФ АРАН:
СРЕДИ МИФОВ И РИФОВ, ИЛИ ПО КОМУ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ?**

Аннотация: В статье приводятся факты из истории поступления и обработки в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук личного фонда известного ученого-кавказоведа Евгении Георгиевны Пчелиной (1895–1972), в силу объективных причин длительное время остававшегося недоступным для изучения. Типичная проблема в работе архивного учреждения воспринималась научной общественностью как халатность сотрудников, в действительности прилагавших усилия для ее решения. Также излагаются дополнения и уточнения к работе культуролога и искусствоведа Т. В. Дадьяновой о биографии и научной деятельности Е. Г. Пчелиной.

Ключевые слова: Евгения Георгиевна Пчелина, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, фонд Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН, биография Е. Г. Пчелиной.

Blazhko A. V.
Independent researcher
(Russia, St. Petersburg)

**ON THE HISTORY OF E. G. PCHELINA'S PERSONAL FOND
AT SPbB ARAS: AMONG THE MYTHS AND REEFS,
OR FOR WHOM THE BELL TOLLS?**

Abstract: The article provides facts from the history of admission and processing at the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences of the personal fund of the famous Caucasian scientist Evgenia Georgievna Pchelina (1895–1972), which, for objective reasons, remained inaccessible for a long time to study. A typical problem in the work of an archival institution was perceived by the scientific community as the negligence of employees who actually made efforts to solve it. Additions and clarifications to the work of cultural scientist and art critic T. V. Dadianova on the biography and scientific activity of E. G. Pchelina are also outlined.

Keywords: Evgenia Georgievna Pchelina, St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS, personal fond of E. G. Pchelina in SPbB ARAS, biography of E. G. Pchelina.

Введение

Архив крупного кавказоведа Е. Г. Пчелиной около 50 лет хранился в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, оставаясь недоступным для ученых. Он был введен в оборот только в 2019 г. в рамках мероприятий по подготовке к празднованию 1100-летию крещения Алании. В публикациях представителей научной общественности неоднократно высказывались упреки в адрес учреждения без рассмотрения объективных причин ситуации. Усилия работников СПбФ АРАН по ее разрешению оставались за рамками информационного поля, что повлекло искажение восприятия истории вопроса, значимого для многих исследователей и широкой аудитории, интересующейся историей и культурой Кавказа. Также недостаточное знакомство с материалами влечет допускаяемые в публикациях неточности и искажения биографии выдающего ученого, неотделимой от его деятельности.

Актуальность

История архива Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН является примером типичных проблем в сфере деятельности научных архивов, так и возможности их преодоления.

Цель

Представить объективную картину введения в научный оборот личного фонда Е. Г. Пчелиной, привлечь внимание к перспективам работы с ним при углубленном изучении материалов.

Задачи

Изложить неизвестные научной общественности факты, связанные с введением в оборот личного фонда ученого Е. Г. Пчелиной, уточнить сведения биографического и исследовательского характера на основе прежних и ставших ныне доступными архивных материалов, а также иных источников.

Основная часть

Личные архивы крупных ученых содержат, как правило, ценные в научном, а также историко-биографическом отношении материалы. В случаях, когда некоторые исследования остались не завершены либо не опубликованы, личный фонд может служить единственным местом сохранения их результатов. Именно к таким относится архив Евгении Георгиевны Пчелиной (1895–1972), выдающегося кавказоведа, археолога, этнографа, историка. Ее судьба как ученого сложилась и счастливо, и не слишком. Она долгие годы занималась любимым делом, собрала уникальные полевые материалы, прежде всего в Северной и Южной Осетии, снискала известность и уважение не только в научном сообществе, но и среди местного населения. Вместе с тем Е. Г. Пчелина в силу разных

обстоятельств меняла регионы и места работы, вышла на пенсию фактически в зените способностей, так и не получив заслуженной докторской степени, не увидела напечатанными многие работы, еще больше не закончила. Некоторые ее статьи, доклады, монография хранились в архиве СОНИИ (позже СОИГСИ им. В. А. Абаева)¹ и были доступны для ознакомления, отдельные тексты были переданы коллегам и опубликованы после смерти. Основная часть рукописей и материалов отложилась в СПбФ АРАН, где почти полвека ждала введения в научный оборот.

Тому имелись объективные причины, однако ситуация вызывала справедливые нарекания ученых, в первую очередь осетинских, наиболее заинтересованных в доступе к фонду. Посильные действия, главным образом в форме обращения в академические и другие инстанции, на протяжении многих лет предпринимали сын Е. Г. Пчелиной, Георгий Николаевич Пчелин (1925–1989), невестка Мария Леонидовна Пчелина (Рудова) (1927–2013), ведущий научный сотрудник отдела Востока Эрмитажа, и работающий ныне там же внук Н. Г. Пчелин. Николай Георгиевич сохранил значительное количество научных и биографических материалов Е. Г. Пчелиной, сотни негативов, которые в дальнейшем передал в СПбФ АРАН, и оказывал всемерную «информационную поддержку». Увы, чьих-либо отдельных усилий для решения затянувшегося вопроса оказывалось недостаточно.

Пребывавший и до второго пришествия капитализма в стесненных условиях Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (тогда Ленинградское отделение) позже вместе со всей страной, «дотационной» отраслью,

---

¹ НИР «Местность Уаллагир и шесть колен рода Осигагата», статья «Нузальская часовня в Северной Осетии», два доклада, связанные с изучением Нузальской часовни, возможно, иные материалы. Ссылки не приводятся, поскольку непосредственно с материалами мы не знакомы, а в публикациях, где они неоднократно упоминались, царит разнбой.

учреждениями науки и культуры пережил времена почти катастрофические. С 1950-х гг. он формально прекратил комплектоваться новыми фондами вследствие отсутствия помещений; проект строительства специального здания при советской власти так и не осуществился. Череда сокращений урезала штат до размеров, исключавших полноценное функционирование, в том числе обработку накопленных материалов. При нищенской зарплате в 1990-е гг. сотрудникам приходилось самим дежурить по ночам в старом флигеле на Университетской набережной, оберегая документы и оборудование. В определенный период речь шла не о развитии деятельности, введении в оборот ждущих очереди массивов, но о фактическом выживании старейшего научного архива страны, сохранении уникальных фондов и высокопрофессионального коллектива.

По мере стабилизации общей ситуации наметились улучшения, в 2007 г. дело возведения современного здания сдвинулось с мертвой точки. Однако число штатных единиц и материально-техническое обеспечение продолжали оставаться весьма ограниченными.

Кавказоведы даже в 1990-е гг., несмотря на их малую благоприятность для науки, помнили о Е. Г. Пчелиной и ее вкладе в изучение края. В середине десятилетия вышла первая исследовательская или вторая биографическая, считая некролог 1976 г. [42], тщательно подготовленная в рамках доступной информации публикация [11]. В новом веке интерес к личности и научному наследию Евгении Георгиевны возрос, стали выходить новые обзоры. В 2004 г. с большой статьей, включающей мемуарные элементы, выступил лично знавший ее Б. А. Калоев, напомнив и о судьбе все еще недоступного архива [28]. На III Абхазской международной конференции материал, проникнутый искренним уважением к большому ученому, представила М. З. Кетбиева, также коснувшаяся «архивного вопроса» и призвавшая издать сборник трудов исследовательницы [29]. Последний был составлен Мариной

Зарифовной и вышел в 2013 г. во Владикавказе под ее технической редакцией [54]. Среди 12 представленных в нем работ Пчелиной лишь две (из личного архива старейшего кавказоведа страны В. А. Кузнецова) публиковались впервые. Вопрос использования ее архивных материалов авторами трех предисловий к сборнику не поднимался, однако состав издания невысказанно подводил к мысли о необходимости обнародования других трудов, спустя 40 лет после смерти выдающегося ученого все еще неизвестных широкой аудитории.

Видный этнограф и историк Л. А. Чибиров, председатель Верховного Совета и президент Республики Южная Осетия в 1993–2001 гг., был заочно знаком с Е. Г. Пчелиной по переписке [82]. В феврале 2016 г. Людвиг Александрович выступил на расширенном заседании Президиума ВНЦ РАН, приуроченном к Дню российской науки, с докладом «Междисциплинарный синтез в исследованиях профессора Е. Г. Пчелиной»² [95]. Вскоре материал был опубликован в виде статьи, где автор напомнил, что архивный материал исследовательницы до сих пор не обработан [96, с. 39].

Наконец, 2017 г. ознаменовался статьей или докладом (формат «сборника заочной конференции» из череды ежемесячных мероприятий организации «Научный форум» оставляет расплывчатым жанр публикации) Т. В. Дадяновой «О необходимости спасения архива выдающегося археолога и этнографа Е. Г. Пчелиной» [14]. Темпераментность подачи материала без преувеличения вызывала ассоциации с набатным колоколом и понятный интерес к личности автора.

Тамара Владимировна Дадянова — доктор философских наук, заслуженный деятель науки РСО-А, ученый широкого спектра интересов:

---

² Использована скорее почтительная форма именования; Е. Г. Пчелина не без труда получила степень кандидата исторических наук (1946 г.), вполне заслуженных ученых званий не имела.

культуролог, историк, искусство- и литературовед, профессор высшей школы с многолетним стажем, журналист, издатель, общественный и религиозный деятель, человек с активной жизненной позицией, одаренный неисчерпаемой энергией. Собственный характер и концептуальные взгляды она емко очертила в интервью 2005 г.: «Трудностей я действительно не боюсь, они закаляют. ...А мне действительно порой приходится некоторые свершения форсировать, и поэтому некогда думать, что подумают другие. Слишком мало времени нам отведено для освоения фундаментальных знаний и завершения своих замыслов. ...Мне нравится снимать шоры, ломать стереотипы, казалось бы, азбучных истин и предлагать другое знание о предмете, явлении, личности...» [43].

Наследием Е. Г. Пчелиной, насколько можно судить, Тамара Владимировна заинтересовалась в 2016 г., в связи с близящимся юбилеем крещения Алании и реставрацией Нузальской часовни в Северной Осетии. Евгении Георгиевне принадлежит заслуга первого комплексного исследования этого выдающегося памятника, но результаты, к сожалению, остались неопубликованными. Ту же судьбу разделили материалы изучения святилища Реком и многие другие. Взяв быка за рога, Т. В. Дадианова прибыла в СПбФ АРАН, выяснила ситуацию с фондом и развернула масштабную деятельность по мобилизации научной общественности, побуждению должностных лиц различных учреждений и органов власти к принятию мер для исправления положения. Главными виновниками его возникновения, как явствует из указанной публикации и писем в СПбФ АРАН³, виделись прошлые и нынешние его работники, за полвека не удосужившиеся привести фонд в надлежащее состояние.

---

³ Ответы директора СПбФ АРАН д. и. н., ныне чл.-кор. РАН И. В. Тункиной и на тот момент заведующей ОФКиВА к. и. н. М. В. Мандрик без согласования с ними были опубликованы Т. В. Дадиановой [14, с. 12–14]. Для прояснения ситуации ниже приводится часть последующей переписки, осуществлявшейся в электронном виде (см. приложение 1).

Внешне критика звучала справедливо, «набатные» усилия явно шли от чистого сердца, хотя результативность их точно не известна. Два года спустя, в рамках подготовки к празднованию юбилея крещения Алании, благодаря консолидированным усилиям многих людей, инстанций, их руководителей на правительственном уровне было принято соответствующее решение, и в 2019 г. Санкт-Петербургскому филиалу АРАН наконец выделили средства для обработки фонда Е. Г. Пчелиной и обеспечения доступа исследователей к нему [93, с. X].

Таким образом печальная история многолетнего пребывания ценного наследия «в запасниках» счастливо завершилась. Определенная заслуга в этом Тамары Владимировны Дадиановой несомненна и должна быть признана. С устранением проблемы исчезла почва для полемики и трений; в целом вопрос носит, к сожалению, системный характер, и радикального перелома ситуации пока ожидать не стоит. Введение же фонда Е. Г. Пчелиной в оборот открыло возможность в том числе проведения ежегодных научных мероприятий ее имени. Немалая часть представляемых на них сообщений и публикуемых по итогам материалов освещает различные исследования Евгении Георгиевны. Фактически ныне воздается, наконец, должное ее научным заслугам и памяти как крупного ученого и неординарного человека.

В III Пчелинских чтениях (25 октября 2021 г.), проводимых на базе СПбФ АРАН, Т. В. Дадианова приняла дистанционное участие с докладом «О влиянии полилингвальности Е. Г. Пчелиной на ее научную деятельность», стоявшим в программе первым. Он был начат с истории «спасения» фонда Пчелиной, излагаемой под определенным углом. Вновь прозвучали выпады в адрес учреждения, допустившего едва ли не полную его гибель, походя был повторен упрек в сторону покойного ученика Евгении Георгиевны, выдающегося осетинского археолога, этнографа, историка В. Х. Тменова, который якобы произвольно распорядился ее

архивом (?). Руководившая мероприятием директор филиала чл.-корр. РАН И. В. Тункина вынуждена была призвать вернуться к теме доклада, резюме которого по исчерпанности времени свелось к тому, что Евгения Георгиевна знала много языков, включая кавказские, и это помогало ей в научной работе.

Третьи Пчелинские чтения привлекли много участников, в том числе зарубежных. Снятые с повестки, казалось бы, «самой историей» обвинения вновь обозначились в публичном поле. В этой связи автор данной заметки — бывший студент Виталия Харитоновича Тменова в Северо-Осетинском государственном университете и участник технического разбора фонда Е. Г. Пчелиной — счел целесообразным обобщить некоторые сведения и уточнить отдельные факты во избежание сложения некоего стереотипа, мифологемы о «спасении архива Пчелиной» и роли в ней отдельных лиц. Неоценимую помощь в подготовке текста оказала старший научный сотрудник СПбФ АРАН кандидат исторических наук М. В. Мандрик, за что выражаю ей сердечную признательность. Пользуясь случаем, также искренне благодарю руководство СПбФ АРАН за возможность участия в работе с архивом Е. Г. Пчелиной, а коллектив отдела обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов за доброжелательное отношение и информацию.

Приступая к изложению собранных сведений, видится целесообразным коснуться содержания публикации Т. В. Дадиановой 2017 г.

Изначально доклад о важности открытия доступа к фонду Пчелиной был представлен Тамарой Владимировной на V Свято-Георгиевских чтениях «Православие. Этнос. Культура» во Владикавказе 24 ноября 2016 г. (см. приложение 1, письмо от 09.01.2017). Издавался ли итоговый сборник, выяснить не удалось, сведений об указанном докладе информационное сообщение о мероприятии на сайте Владикавказской и

Аланской епархии не содержит [10], в резолюции присутствует п. 12: «...необходимость организации эффективных мер по спасению и введению в научный оборот архива выдающегося археолога и этнографа-осетиноведа Е. Г. Пчелиной» [55]. Статья или, скорее, пламенный призыв к действию был опубликован в упомянутом ранее сборнике материалов VII Международной заочной научно-практической конференции «Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология» (июль 2017 г.) [14]. Далее научно-публицистический документ был размещен на сайте организатора мероприятия — проекта «Научный форум» издательства «Международный центр науки и образования», предлагающего авторам услуги разноформатных публикаций, где можно скачать и pdf-вариант сборника [1]; в системе НЭБ «eLIBRARY.RU» [15]; 17 августа 2017 г. на портале «Богослов.Ru» с фотографиями, отсутствующими в предыдущих версиях [16]; а затем дублирован в полиграфической и сетевой версиях литературно-художественного и общественно-политического журнала «Дарьял» № 6 за 2018 г. [17; 18]. Таким образом, небольшой, но эффектный труд Т. В. Дадяновой, включающий служебную переписку с должностными лицами СПбФ АРАН, был достаточно растиражирован в печатном и электронном виде, что повышает, как представляется, ответственность за представленные в нем факты и выводы.

Данная работа без сомнений заняла свое место среди не столь многочисленных публикаций о жизни и деятельности Е. Г. Пчелиной, имела определенный общественный и, для руководства и сотрудников филиала АРАН, служебный и психологический резонанс. Представляется нелишним краткий обзор изложенных в ней данных, относящихся к биографии Евгении Георгиевны и судьбе ее архива. Так как автором информация подана несколько сумбурно (в кучу смешаны «черная археология», родословная героини, деятельность национально-культурных организаций и пр.), мы позволим себе ее хронологическую группировку. В

качестве преамбулы приходится отметить, что практическое игнорирование Тамарой Владимировной указания источников снижает ценность приводимых сведений и затрудняет разбор тех из них, чья непроверенность очевидна. Из упомянутых и процитированных в тексте пяти работ (Е. Г. Пчелиной, Б. А. Калоева, А. А. Цуциева, Н. Н. Пчелина, И. Оболенского) в 15 пунктов библиографического списка включены лишь две. Отношение прочих источников к тексту не совсем ясно. Бросается в глаза небрежность описаний: статья С. С. Куссаевой, ученицы Пчелиной, в оригинале называется «Некоторые итоги археологических раскопок катакомбного могильника в ст. Змейской» [33], диапазон страниц в перечне не указан. Статья известного историка Ф. Х. Гутнова «Жизнь, отданная кавказоведению» была напечатана в газете «Северная Осетия» от 25-го, а не 12 июля 2012 г. Отсутствие связи ссылки на нее с текстом Т. В. Дадяновой заставляет предположить, что она посвящена Е. Г. Пчелиной, тогда как материал был подготовлен к 85-летию Владимира Александровича Кузнецова [13]. Необязательные в публицистическом очерке или популярном материале, подобные элементы подразумеваются необходимыми для научного труда. В упоминавшемся интервью 2005 г. Тамара Владимировна сообщала: «...я это беру не с потолка, а исследую многие тома книг и рукописей, прежде чем придти⁴ к иному выводу» [43]. Остается пожелать, чтобы на эти тома и рукописи давались ссылки.

Начнем с интересных сведений, которые Т. В. Дадянова сообщила о братьях и сестрах отца Евгении Георгиевны, Георгия Семеновича Бенедиктовича, и причислении его самого в 1875 г. к потомственному дворянству (только с внесением не в родословную книгу Бенедиктовичей, если таковая даже существовала, а шестую часть дворянской родословной

---

⁴ Орфография публикатора.

книги⁵) [14, с. 7–8], привычно не указывая источник. Дословные совпадения позволяют предположить, что им послужил генеалогический форум интернет-проекта «Всероссийское генеалогическое древо» («ВГД») [41]. Быть может, причиной умолчания в данном случае явился известный скепсис научной среды к информации из свободной части всемирной паутины вследствие сложности ее верификации. Действительно, на указанном ресурсе участники редко снабжают публикуемые сведения точными ссылками, однако трудно предположить, что выдумывают их для взаимного развлечения. Данный сайт — один из лучших, если не самый представительный в этой сфере Рунета, и отсылка к нему за неимением других источников достоинств работы Тамары Владимировны не уронила бы. Скорее это делают логические связки типа: «Я специально остановилась на перечислении близких родственников отца Е. Г. Пчелиной, чтобы читателям понятно было, что ее близкие родственники хорошо знали грузинский и армянский языки», вытекание интереса Евгении Георгиевны к древней архитектуре края из того, что в городах Грузии жило много армян, объяснение многогранности натуры тем, что отец занимался межевыми вопросами Елизаветпольского округа, а дед служил в Ахалцихском госпитале [14, с. 8].

Источники информации о служебном продвижении Г. С. Бенедиктовича идентифицируются гадательно, как нередко образно-библейски выражалась в записях его учена атеистка-дочь. О должности старшего землемера — помзава межевыми работами, только не «в том числе Елизаветопольского» [Там же], а 2-го Елизаветопольского, сообщали и участники форума «ВГД» [5], и «Кавказский календарь» за 1906 г., который они честно упомянули [25, второй отд., стб. 198]. И там, и там указан его чин: коллежский советник (КСв), VI класс табели о рангах,

---

⁵ Включала фамилии, дворянская принадлежность которых подтверждалось за период не менее ста лет, но истоки сословного достоинства не были установлены.

полковник в военной иерархии. Стать «уже к 1910 году титулярным советником» [14, с. 8] он не мог по двум причинам: явно будучи успешен в карьере, этот средний ранг (IX класс, с 1884 г. в армии капитан) он прошел еще до рождения наследницы, а в 1908 г., к сожалению, умер. До открытия доступа к фонду Пчелиной не имелось возможности получить сведения о дате его кончины из документов последнего [77, л. 46], однако таковые присутствуют, например, в кадровом деле Евгении Георгиевны в архиве Эрмитажа [2, л. 1]. Взаимодействие с любым архивом для внешнего пользователя — задача не из легких, но служебный путь Георгия Семеновича в межевых учреждениях Закавказского края отражен в замечательном дореволюционном издании — «Кавказском календаре», ныне представленным в мировой сети даже с распознанным текстом. Регулярно публиковавшиеся сведения о Г. С. Бенедиктовиче отсутствуют в выпуске за 1910 г., подготовленном годом раньше [27, стб. 41, 42, 900]. Исчезновение с официального информационного горизонта заметного чиновника, жена и дочь которого продолжали жить в Тифлисе, дает повод задуматься о его судьбе. Даже гипотетически кончина вероятнее долгой командировки, осуждения за должностные преступления, бегства от семьи и пр.

Генетическая характеристика героини статьи звучит впечатляюще: «В ней бурлила кровь грузино-абхазская и польско-русская вкупе с еврейской» [14, с. 7]. Польско-русская часть, по всей видимости, присутствовала — дворяне Бенедиктовичи происходили с земель бывшего Великого княжества Литовского, о еврейской составляющей данных нет, с грузино-абхазской ситуация туманна. Мы не будем касаться семейного предания, которое Н. Г. Пчелин считает достоверным и, по-видимому, сообщил автору, о связи аристократки Марии Шервашидзе, супруги Тифлисского губернатора, с потомственным дворянином не из самых богатых и знатных, служащим межевого ведомства Георгием

Бенедиктовичем — пусть легенда живет. Чувства не знают границ, к концу XIX столетия сословные рамки были вполне преодолимы. В некрологе, подписанном лично знавшими Пчелину Б. Б. Пиотровским и В. П. Любиным (текст написал Василий Прокофьевич), сообщалось об ее абхазском происхождении по матери [42, с. 240]. Эти сведения бессмысленно (видимо, как общеизвестные) повторили Г. Н. Вольная [11, с. 5], М. З. Кетбиева [29, с. 374] и Л. А. Чибиров [96, с. 36]. Трудно судить, была ли Т. В. Дадианова к моменту написания статьи знакома с этими публикациями, в библиографии они не значатся. Благоразумно упомянув легендарный характер сведений о том, что матерью Пчелиной являлась М. А. Николаи (в замужестве Шервашидзе), она тут же привела обзор семейных связей последней и биографию ее блистательного, но не слишком верного мужа Г. Д. Шервашидзе из ветви наследственных правителей Абхазии [14, с. 8–9]. Не погружаясь в тысячелетнюю генеалогию знатных кавказских фамилий, отметим, что тифлисский губернатор к появлению на свет Евгении Бенедиктович отношения, даже согласно романтической версии, не имел. Мака Шервашидзе, по матери Чавчавадзе, по бабушке Орбелиани [22], этнически абхазской не являлась. Точных сведений о матери Евгении Георгиевны пока не обнаружено.

Наличие «кавказских генов» проступило в облике Пчелиной, судя по датированным фотографиям, примерно к 30 годам, сделавшись отчетливым в 40–50 лет. Эмоциональность и даже вспыльчивость, о которых сообщал внук и дают некоторое представление дневниковые записи, могла быть следствием не только некой этногенетической предрасположенности, но и просто чертой натуры. Наконец, какие бы раскопки по части «кровей» ни вести, Евгения Георгиевна воспитывалась и росла в поле русского языка и российской в широком смысле культуры, национальность в анкетах указывала — русская [77, л. 46].

«Она знала несколько языков», включая осетинский, владела «грузинским языком, потом его даже преподавала, обучая желающих в Москве» [14, с. 7]: из европейских Пчелина, по-видимому, хорошо знала немецкий и французский, возможно, первый несколько лучше. В дипломе Московского археологического института из иностранных значится только он с оценкой «отлично» [76, л. 1, 2], две из трех известных ее зарубежных публикаций вышли в 1920-е гг. на немецком [97; 98]. Однако свидетельств перевода текстов либо создания сразу на немецком языке самой Евгенией Георгиевной в документах ее фонда не выявлено. Оригинал доклада, опубликованного в 1963 г. на английском языке, был написан Б. Я. Стависким [99]. Английский, вероятно, был знаком ей в степени, позволяющей читать научную литературу. В целом источники на иностранных языках составляют небольшой процент как в пространных рабочих библиографиях, так и в публикациях Пчелиной. Это в основном работы на французском [47, с. 115; 48, с. 101], французском и немецком языках [49, с. 244, 253; 53, с. 154, 157–158], единичные — на английском [49, 1940, с. 244; 53, с. 154].

Грузинский и армянский языки входили в программу 5-й Тифлисской женской гимназии, которую окончила Евгения Георгиевна [26, стб. 361]. Не удалось найти сведений об обязательности их изучения; по всей видимости, как минимум грузинский язык Пчелина там учила. Вероятно, благодаря этой подготовке и бытовой лингвистической практике она владела им настолько, что преподавала его в Московском институте востоковедения в 1924–1925 гг. согласно трем доступным ее CV [57, л. 1; 58, л. 31; 79, л. 2], эти же даты привел Б. А. Калоев [28, с. 99], и в 1924–1926 гг. согласно заполненному ее самой трудовому списку, содержащему реквизиты кадровых и служебных документов [77, л. 27об., 28]. Утверждение Б. А. Калоева [28, с. 98], что грузинский был для нее вторым родным языком, может базироваться на полученных лично сведениях;

преподавание его «в нескольких московских вузах» является некоторым преувеличением. Позже, в 1971 г. Евгения Георгиевна писала о чтении ею со словарем монографии на грузинском языке и затруднительности этого процесса [84, л. 5]. В ее работах также фигурируют единичные отсылки к источникам на армянском языке [49, с. 244].

Осетинский язык Пчелина стремилась освоить самостоятельно, насколько можно судить, в 1920–1930-х гг. Он был необходим либо очень желателен при сборе полевых, прежде всего этнографических, материалов, более близкого общения с жителями горных селений, где русский знали далеко не все. Она записывала для себя слова и выражения, приводила фиксируемые латиницей, затем кириллицей термины в работах, по-видимому, понимала устную речь и могла в некоторых пределах общаться, читать, но говорить о свободном владении возможно едва ли. Тексты газетных статей на осетинском языке о Нузальской часовне — три единственных публикации, на которые десятилетиями вынужденно ссылались ученые [50–52], были написаны ею по-русски [70, л. 2–5; 71, л. 1–14; 72, л. 2–13]. Суммарно Евгения Георгиевна действительно была знакома с несколькими языками, однако владела ими в разной степени.

Дипломная работа — точнее, в терминологии того времени диссертация на звание ученого археолога — защищенная ею в МАИ, называлась «Черты армяно-грузинского архитектурного стиля в домонгольском зодчестве Руси» [60, л. 1]. Его правильно указала Г. Н. Вольная, располагавшая сведениями из архива СОИГСИ (на тот момент СОИГИ) [11, с. 4, 20]. По памяти заглавие не совсем точно как «Влияние армяно-грузинского архитектурного стиля на домонгольское зодчество Руси» привела сама Пчелина в «Жизнеописании» [79, л. 1], составленном около 1952 г. По-видимому, именно оттуда Б. А. Калоев почерпнул ряд сведений, в том числе о «дипломе» МАИ [28, с. 98]. Т. В. Дадианова, очевидно, использовала сведения из публикации Бориса

Александровича [14, с. 6], с работой Г. Н. Вольной, по-видимому, знакома не была.

Диссертация (диплом) Пчелиной, как и полученные в МАИ знания, с архитектурой были связаны главным образом в аспекте изучения ее древних форм. На юридический факультет Московского университета Евгения Георгиевна поступила в 1917 г., предположительно до Октябрьской революции, и не только потому, что в сложное время «архитектура была не актуальна» [Там же]. Вероятен мотив получения образования в крупном государственном вузе (МАИ был общественным учебным заведением), куда при царизме доступ женщинам был затруднен, а в выборе специальности — если не протекция, то роль супруга Николая Николаевича Пчелина (1888–1939). В апреле 1917 г. ему присвоили там звание приват-доцента по кафедре русского права, в октябре месяце он состоял в указанной должности [86, л. 1, 2]. Несомненно способная к усвоению разнородных знаний, Пчелина по всей форме 1-й Московский госуниверситет не окончила. Она прослушала курс без сдачи государственного экзамена и получила удостоверение (или свидетельство, сам документ в личном фонде отсутствует) вместо диплома [57, л. 1; 79, л. 1].

Замечание Т. В. Дадиановой «и юриспруденция была не в чести в эти годы» диспутабельно, а вот Гражданская война к маю 1921 г., когда Пчелина с командировкой ГИМ выехала на Кавказ, в европейской России уже фактически отбушевала [14, с. 7]. Скорее в Грузии, «советизированной» военным путем в феврале–марте, и по соседству еще звучали ее отголоски (мощное Февральское восстание 1921 г. в Армении, движения в Сванетии, затем Кахетии и Хевсуретии). Утверждение: «Пришлось вернуться в Тифлис и поступить на экономический факультет Политехнического института» [Там же] представляет ситуацию не совсем точно. В родной Тифлис из голодной Москвы Евгения Георгиевна с

приемной матерью М. Г. Бенедиктович, вероятно, действительно стремились, супруг Николай Николаевич, по-видимому, со своей стороны не возражал. В Тифлисский государственный политехнический институт, на момент окончания в апреле 1924 г. уже имени В. И. Ленина, Пчелина вряд ли пошла от житейской безысходности. Вероятно, ей хотелось или было нужно в практических целях получить наконец «нормальный» диплом, а здесь снова, по благоприятному стечению обстоятельств, доцентом (уже без «приват») трудился Н. Н. Пчелин [87, л. 2 и др.]. Примечательно, что ни по юридической, ни по экономической специальности в дальнейшем Евгения Георгиевна никогда не работала, а наиболее пригодившиеся базовые знания приобрела в негосударственном, хотя и «аттестованном» по современной терминологии МАИ.

Персональная ненависть Л. П. Берии к Пчелиной и четыре попытки ее ареста [14, с. 9], вероятно, базируются на рассказах внука, Николая Георгиевича, несколько беллетризовавшего (отметим, крайне увлекательно) историю жизни знаменитой бабушки. Глава могущественного ведомства, быть может, встречал ее фамилию в каких-то документах, но едва ли выделял. Его внимание было губительно, и столько «попыток» не потребовалось бы. Вместе с тем сообщения Н. Г. Пчелина о том, что в 30-е годы, ведя активные полевые исследования, Евгения Георгиевна старалась «путать следы» и забираться поглубже в горы, уезжать дальше отмеченных в командировочных документах пунктов, несомненно отражают реалии тех страшных лет и «спасательные меры» бывшей потомственной дворянки. И все же на Кавказ Пчелина отправилась, не только опасаясь за свою жизнь (это стало актуальным в 1930-е гг.), и не в 1927 г., а тогда уж в 1921-м [Там же, с. 10]. Если же речь идет о Северной Осетии, то про начало работ там в 1926 г. еще до введения личного архива в оборот сообщал известный Тамаре Владимировне источник [28, с. 99].

Многочисленные памятники культуры Осетии без сомнения привлекали Евгению Георгиевну, однако не только из-за разграбления древних погребений, начатого еще в XIX в. местными землевладельцами и простыми жителями [14, с. 10]. Подобные хищнические действия, поневоле втягивавшие в скупку находок тогдашних археологов, по отношению к упомянутым Т. В. Дадияновой Камунтским могильникам Пчелина действительно с горечью отметила в своей неопубликованной работе [66, л. 9–15]. Однако еще больше исследовательницу возмущали современные ей, наблюдаемые в течение многих лет бесхозность и постепенное разрушение многих памятников, даже таких известных, как Нузальская часовня [68, л. 41–43]. Обусловленность значительности ее вклада в осетинскую археологию и этнографию предполагаемым знакомством отца с владикавказским фотографом, служащим землемерного ведомства К. И. Щебровским [14, с. 10] сочтем личным мнением Тамары Владимировны. Вольный полет мысли и скупое подкрепление его данными могут являться чертой литературного стиля, хотя более подходящего для иных, чем научный, жанров.

Тезис о том, что Е. Г. Пчелина была также блистательным историком [Там же, с. 11], равно трудно поддержать и отвергнуть. Будучи по складу мультидисциплинарным в современной терминологии исследователем, она широко привлекала исторические материалы, с неизменной добросовестностью изучая доступные источники и накапливая сведения. Достоверность аналитических выводов могут оценить только специалисты; к сожалению, основная часть ее исторических или преимущественно исторических по содержанию работ осталась неопубликованной, ряд не был завершен. Историческая составляющая была исходно значительна в текстах и материалах, связанных с Нузальской часовней, Давидом Сосланом и царицей Тамарой. Из четырех завершенных статей к научным относятся: третья газетная публикация 1946 г. на осетинском языке [52];

написанная тогда же и увидевшая свет только в 2013 г. «Нузальская часовня „Нузалы аргъуан“» [54, с. 14–31], «Нузальская часовня в Северной Осетии» [73], экземпляр которой поступил в архив СОНИИ и был доступен ученым, а также работа 1965–1966 гг., хранившаяся в личном архиве (но, вероятно, при жизни автора доступная для прочтения) и в основном повторяющая более ранние [74]. Концепция погребения в часовне именно Давида Сослана была выдвинута ею до раскопок, произведенных летом 1946 г., и отстаивалась до конца дней. В подтверждение был собран ряд исторических и даже литературных данных, развернутой критике теория не подвергалась четверть века, возможно, по формальной неопубликованности представляющих ее основных работ. Трактовку Пчелиной суммарно изложил в своей монографии тесно сотрудничавший с ней в 1960-е гг. Т. Б. Мамукаев [38, с. 32–36, 104–115]. Этот взгляд оспорил знаток грузинских исторических источников и палеографии И. А. Лолашвили [35]. В. А. Кузнецов свои критические замечания относительно идентификации погребения, времени постройки, назначения часовни и др., высказанные в 1970–1980-х гг., обобщил в соответствующем разделе монографии 1990 г. [31, с. 50–104]. Д. В. Белецкий убедительно подтвердил выводы предшественника об отсутствии перестроек и эволюции использования здания, обосновал идентификацию некоторых фресок канонического ряда, соответствие росписей восточнохристианской традиции без следов местных влияний, наиболее вероятное изображение в ктиторском ряду не царской алано-осетино-грузинской династии, как считала Евгения Георгиевна, а представителей местной знати, один из которых при жизни заказал для себя усыпальницу сообразно традициям эпохи [3]. О значимости исторической составляющей работ Е. Г. Пчелиной о Нузале и Давиде Сослане ныне сложно говорить, считая опровергнутой их базовую предпосылку. Сейчас они ценны скорее не интерпретационной, а

историографической частью, подбором сведений о соправителе Грузии периода ее расцвета и самом памятнике, описанием вскрытого там погребения.

В 1951 г. на базе ранее прочитанного доклада Евгения Георгиевна подготовила статью о бронзовых колоколах с дарственными надписями грузинского царя Георгия XI из осетинских святилищ [67]. Помимо собственно названных предметов в ней рассматривались вопросы истории Грузии XVII в. и осетино-грузинских отношений. От рецензентов из Института истории АН ГССР Д. Гвритишвили и Ш. Месхия был получен негативный отзыв: «...она не смогла осилить тему и... дала нам много ошибочных рассуждений» [75, л. 2]. Не столько оскорбительный тон («Все это рассуждение основывается на недоразумениях и незнании. ...это — сказка и объяснения Пчелиной тем же остаются» [Там же]), сколько краткость и единичность указания конкретных недостатков лишают научной полноценности мнение несомненно компетентных в своей области тбилисских ученых. При этом отрицательный его характер, по-видимому, имел под собой основания. Проанализировавший статью А. В. Дарчиев в самой корректной форме «некоторых уточнений» показал ошибочность многих утверждений и выводов Евгении Георгиевны исторического плана, отметив значимость попытки первого научного изучения ценных источников [19].

Главной в «историческом» наследии Пчелиной является большая статья о местонахождении города Деякова [53]. Она посвящена серьезной исследовательской проблеме, решение которой повлекло бы развязку многих других. Работа демонстрирует зрелость ученого, достаточную осторожность суждений, скрупулезное подтверждение высказываний данными источников (примечания и ссылки составляют до половины текста). Ее историографо-аналитическое значение признается специалистами и сегодня [7, с. 126]. Работа оживила давнюю дискуссию о

локализации аланского центра, с небольшими промежутками в то же десятилетие вышли еще три статьи на ту же тему. Располагая сходной базой данных, исследователи указывали отдельные фактические ошибки Пчелиной [34, с. 172 (прим. 3), с. 174 (прим. 2); 8, с. 62], прочие возражения не выходят за рамки естественной научной полемики, тем более что авторы не во всем соглашались и друг с другом [30, с. 294]. Не снижает ценность работы Пчелиной даже то, что она склонна была вразрез с преобладавшим мнением о тождественности Дедякова-Тютякова с Верхним Джулатом (Северная Осетия) помещать искомый город в бассейне р. Сунжи на территории современной Чечни [53, с. 159]. Профессиональный медиевист В. А. Кучкин на основе анализа письменных источников располагал «город-призрак» в районе Нижнего и Верхнего Джулатов [34, с. 182]. В. Б. Виноградов и Е. И. Крупнов отчего-то приписали Евгении Георгиевне отождествление Дедякова с алханкалинским городищем, которое она только упомянула в числе сунженских памятников [53, с. 159]. Располагая данными новых раскопок, они согласно отвергли восточную локализацию памятника и с достаточной уверенностью высказывались за Верхний Джулат (Татартуп) [8, с. 68–70; 30, с. 294–295, 297]. Однозначно вопрос не решен до сих пор.

Таким образом, Е. Г. Пчелина внесла несомненный вклад в изучение истории Кавказа и Руси-России, и все же анализ этнографических и археологических материалов — при непредвзятом подходе — удавался ей, пожалуй, лучше подобных штудий.

Влияние супруга Николая Николаевича [14, с. 11] на становление Пчелиной как исследователя прошлого и в целом ученого, вероятно, имело место, хотя примеры без знакомства с его трудами, всеми работами Евгении Георгиевны и тщательного изучения рабочих материалов из ее фонда указать трудно. На момент заключения брака (только не в 1924 г. [Там же], а 12 августа 1917 г. [78, л. 1]) он являлся, как уже говорилось,

приват-доцентом Московского университета, через два года — профессором Ярославского. Н. Н. Пчелин был талантливым серьезным ученым, занимался историей права, политических институтов, экономики России и Азербайджана, регулярно публиковался, нес большую лекционную нагрузку в различных вузах. Интерес представляет не только упомянутая Т. В. Дадиановой [14, с. 11] его первая научная работа, точное название которой «Екатерининская комиссия „О сочинении проекта Нового уложения“ и современное ей русское законодательство» [45]. Без сомнения, специалисты и сейчас найдут в его трудах ценные сведения и неоспоримые выводы. Вместе с тем Николай Николаевич писал в духе времени, с марксистско-классовых позиций (на которые встал, по-видимому, искренне), и в целом остался в своей эпохе. В главных библиотеках страны его научные работы представлены весьма ограниченно. Сообщение Тамары Владимировны о том, что его труд об эпохе Петра I (реально брошюра, вышедшая в 1919 г. [46]) стал причиной ареста и смерти [14, с. 11], не соответствует действительности. Вероятно, страшная атмосфера террора повлияла на преждевременный уход из жизни, однако прямых репрессий он избежал, скончался у себя дома, и не в 1938-м, а годом позже [85, л. 3].

Не углубляясь в вопрос, почему актуальность исследования Пчелиной языческого с ортодоксальной точки зрения святилища Реком возрастает в свете празднования 1100-летия христианизации Алании [14, с. 6–7], отметим, что эти материалы ценны вне зависимости от дат и юбилеев. «Сейчас это уникальное сооружение находится под эгидой... ЮНЕСКО» [Там же, с. 7] — как можно понять из контекста, речь идет о Нузальской часовне. Упоминание об ее включении в программу ЮНЕСКО по охране памятников истории содержится в информационном материале на старой версии официального сайта Постоянного Представительства Республики Северная Осетия-Алания при Президенте РФ [21]. Сведений о

такой программе найти не удалось, в список Всемирного наследия ЮНЕСКО на текущий период входит 31 российский объект, из них 20 культурных, Нузальской часовни среди них не значится [59]. Это ни в малой степени не снижает огромного культурного значения памятника, имеющего федеральный статус и отремонтированного за счет госбюджетных средств [56].

Наконец, помянув семью Евгении Георгиевны, включая невестку и внуков, Т. В. Дадианова перешла с поименным указанием к историкам и археологам Осетии, которые возвращены наследием Пчелиной, «до сих пор кое-что находят» на местах ее раскопок, но при этом «не торопятся спасти архив, который загрибкован, находится в неподобающем месте... на окраине Санкт-Петербурга» [14, с. 11]. И здесь мы позволим себе коснуться истории фонда Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН, чему посвящена добрая половина статьи Тамары Владимировны, осветившей факты броско, но несколько однобоко. Реальная ситуация была сложнее.

Евгения Георгиевна сама подготовила свой архив к передаче на хранение, причем не единомоментно, а как минимум в два этапа. Первый фиксируется в 1958 г., когда она задумалась о его судьбе, почувствовав ухудшение здоровья. Материалы были ею систематизированы, 20 января 1958 г. составлено неформальное завещание: «После моей смерти по имеющейся договоренности весь мой не опубликованный⁶ материал будет взят в научный архив Академии наук СССР» [80, л. 2]. Не все рукописи из списка «К печати» [Там же, л. 3], даже с учетом 14 подаренных ей затем судьбой лет, при разборе фонда были выявлены в законченном виде. Когда физическое состояние улучшилось, она продолжила работу и вела ее практически до конца дней. Вместе с тем в последние годы, по воспоминаниям Н. Г. Пчелина, она регулярно занималась архивом, помещала материалы в конверты и папки, однако сама их никуда не

---

⁶ Так в подлиннике.

отвозила и машин, соответственно, не нанимала [14, с. 7]. Это позволило родственникам после ее кончины, последовавшей 25 ноября 1972 г., достаточно оперативно собрать оставшиеся записи и доставить научное наследство в тогдашнее Ленинградское отделение Архива АН СССР.

Передача формально была произведена М. Л. Пчелиной — по-видимому, как работника учреждения культуры. Сын, Георгий Николаевич, трудился в научно-производственной сфере и не имел отношения к академическим структурам. Акт приема документальных материалов («научные труды и материалы к ним») 6 февраля 1973 г. со стороны Архива подписала м. н. с. Нина Яковлевна Московченко [81, л. 1]. Измеряемый на практике суммарной толщиной папок объем составлял 28 м (позже он пополнился, в основном благодаря содействию Н. Г. Пчелина, и к моменту обработки достиг 32,2 м [93, с. XI]). Сейчас трудно установить, куда изначально поступил фонд, получивший номер 1017. Отдел обработки буквально задыхавшегося уже тогда от нехватки площадей архива помещался на 6-й линии В. О. в жилом доме; возможно, бумаги Евгении Георгиевны были доставлены туда. Из-за недостатка места в 1974 г. россыпь была перевезена в архивохранилище складского типа в Коломягах (северная часть города), где находилась до весны 2019 г. [Там же, с. X; 24].

Хранилище из двух помещений, расположенных друг за другом, возможно, являлось не лучшим местом для размещения материалов, однако было приспособлено для архивных нужд. Имелись отопление и освещение, стеллажи, поддерживался температурный режим. На 2017 г. там находились фонд Пчелиной, еще два фонда меньших объемов, некоторые большеформатные единицы и собрание архивных экземпляров изданий Академии наук (26 802 единиц хранения, 800 погонных метров полок). В ноябре–декабре 2021 г. всё оставшееся было вывезено в новое здание филиала (Киевская ул., д. 5 к. 9).

Разъяснения специфики научно-технической обработки фондов и причин ее долгого откладывания в случае архива Пчелиной даны в ответах на обращения Т. В. Дадиановой директора СПбФ АРАН И. В. Тункиной и в то время начальника ОФКиВА М. В. Мандрик (см. [14, с. 12–14], приложение 1). Поясним лишь, что график работы с фондами определяется не механической очередностью поступления, а совокупностью факторов: научной значимостью, востребованностью, содержанием материалов, возможностью приглашения консультантов и даже кадровой обеспеченностью процесса. Проверенная временем методология определяет, что одним фондом занимается один человек. По мере естественного выбытия высокопрофессиональных работников и определенной текучести состава в 2000-х гг. вследствие низкой заработной платы молодым сотрудникам поручать крупные фонды было сложно, опытные все задачи охватить не могли. При этом если в 1980-х гг. в отделе обработки трудились 10–12 сотрудников, то к 2019-му их осталось 5 человек, включая заведующего.

Б. А. Калоев в статье указывал: «...Е. Г. Пчелина, кроме незаконченной монографии по осетинам, оставила много рукописей и богатый архив. Все это аккуратно [было?] сложено в картонных коробках и по ее завещанию сдано в архив АН СССР (в Санкт-Петербурге). В 1975 г. автор этих строк, работая там, видел материалы Е. Г. Пчелиной, занявшие довольно большое помещение. В тот период архив, не имевший описи, но существу был открыт для разворовывания любителями чужого труда. Спасти архив исследовательницы может только научная общественность Осетии, прежде всего недавно созданный научный центр РАН...» [28, с. 100]. Т. В. Дадианова в письме к М. В. Мандрик от 22 сентября 2016 г. интересовалась: «Идея получения гранта... для научного разбора и описания наследия Е. Г. Пчелиной, приходила до Вас и другим мною интервьюируемым. Но у большинства из них был вопрос, а что именно

СПб-ом филиале архива РАН осталось из того, что она сама отправила Вам в грузовике, предварительно упаковав в мешки? Этот факт интересен и директору Эрмитажа М. Б. Пиотровскому!» (см. приложение 1). В публикации 2017 г. Тамара Владимировна рядом с приведенной цитатой из Б. А. Калоева сообщала: «Некоторые ученые-осетиноведы сфотографировали части архива, как сделал это, например, В. Х. Тменов. „Этот парень переснял часть архива Евгении Георгиевны, когда писал свою диссертацию по башням“, — сказал мне Николай Георгиевич [Пчелин], когда я брала у него интервью... Отчасти, может быть, это имеет резон: материала хватит не одному человеку для диссертации» [14, с. 11]. Вывод о том, что малопочтенным делом на глазах Б. А. Калоева занимался в 1975 г. именно В. Х. Тменов, напрашивается сам собой. В целом приведенные выдержки свидетельствуют о формировании мнения, что фонд Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН был едва ли не разграблен. Коснемся этого существенного момента подробнее.

К сожалению, Борис Александрович не конкретизировал свою достаточно острую информацию: о каком помещении шла речь, кто именно разворовывал или покушался на архив Евгении Георгиевны? Видел он фонд в тогдашнем отделе обработки или был допущен в коломяжское хранилище (что представляется маловероятным)? С какими материалами работал сам? Точен ли год? Так, исследователями отмечено, что описанный в его статье приключенческий эпизод изъятия бронзовых колоколов из осетинского святилища Дзвгисы-дзуар относится к 1957-му, а не 1964 г., как указал сам автор [20, с. 143]. В его изложении биографических сведений Пчелиной также встречаются погрешности, на которых мы не будем останавливаться.

Мог ли неназванным, а позже названным любителем чужого труда быть Виталий Харитонович Тменов (1944–2005), обязанный Евгении Георгиевне выбором научной специальности и, как следствие, жизненного

пути [91, с. 11–12]? В неоднократных беседах с участниками обработки фонда Н. Г. Пчелин таких сведений не сообщал, как и не упоминал о знакомстве с Тменовым. Зная Виталия Харитоновича трудно связать с ним неэтичные и тем более противозаконные поступки, но аргумент к личности — не аргумент. В. Х. Тменов в 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии» (позже опубликована как монография [88]). Даргавский склеповый могильник в Северной Осетии, которому посвящена указанная работа, не представлял особого интереса для Евгении Георгиевны даже в активную полевую пору 1920–1930-х гг. Вместе с тем она помогала Виталию Харитоновичу советами и материалами, за что ей, как и ряду других ученых, он письменно выразил искреннюю благодарность [Там же, с. 4].

Средневековое зодчество Осетии стало магистральной темой В. Х. Тменова без малого на три десятилетия. «Изучил ногами» территорию распространения памятников — стало не общим местом или фигурой речи в юбилейных и мемориальных публикациях, посвященных ему, но признанием исследовательских заслуг далекого от кабинетности ученого. И этот «методологический навык» — вероятно, главное, что заимствовал Виталий Харитонович у своей учительницы: «Начиная с 1963 г. (с экспедиции Е. Г. Пчелиной в горном Архоне) я участвовал во многих археолого-этнографических экспедициях. Как и первая моя наставница, обошел практически все горы Северной Осетии пешком, пощупал каждый исследуемый памятник своими руками» [91, с. 13].

В монографии 1984 г. был обобщен результат полевых работ, осуществлявшихся на протяжении двенадцати сезонов с 1967-го по 1980 г., приведенные автором ссылки на отчеты позволяют хронологически проследить, где они проводились [89, с. 7, 340, 341]. Там же перечислены организации, в архивах которых В. Х. Тменов черпал сведения, а сама

книга представляет собой добротный свод, в современных понятиях базу данных, охватывающую если не все, то подавляющее большинство соответствующих объектов горной полосы Северной Осетии, числом 1375 [Там же, с. 8, 324]. Нужно понимать разницу направленности и масштабов исследований двух ученых при известной передаче эстафеты. Наследница «энциклопедической» эпохи Е. Г. Пчелина работала в разных районах Кавказа и даже страны, собирала материалы широкого спектра и пыталась их обобщать. Диапазон ее интересов был широк, в исследованиях можно выделить определенные «узлы», куда средневековое осетинское зодчество входило компонентом существенным, однако не центральным. В. Х. Тменов сосредоточился по преимуществу на погребальных сооружениях, затем шире — архитектурных памятниках, изобразительном искусстве горных территорий Осетии, позже обратился к фольклорно-исторической и этнографической сфере [91, с. 13]. К началу 1980-х гг. о предмете изучения он знал если не всё, то намного больше кого-либо другого, включая светлой памяти наставницу, располагал богатейшими собственными материалами и в хищническом их пополнении, осмелимся предположить, просто не нуждался. Докторская диссертация «Традиционное каменное зодчество (археологический аспект)» (1995 г.), в издании «Зодчество средневековой Осетии» [90], представляет детальный анализ сведений, представленных в предшествующей монографии. О масштабности обработки этого массива свидетельствует само затраченное время — порядка 10 лет, и дополнительные сведения скорее осложнили бы задачу, чем ускорили ее реализацию. Непосредственно башням (от боевых до жилых) в работе посвящено 9 страниц из 281 собственно текста [Там же, с. 75–83].

Детальные обмеры, зарисовки и фотографии, описания памятников — то, что в первую очередь представляло интерес для В. Х. Тменова — в документах фонда Пчелиной зафиксировано главным

образом для святилища Реком и Нузальской часовни. Во время летней экспедиции 1965 г., которую она сама назвала поездкой [68, л. 3], два ее верных спутника — исследователь останков из нузальского погребения, врач и антрополог Т. Б. Мамукаев и студент истфака СОГУ Виталий Тменов — зарисовали ряд схематических планов развалин древних сел и укреплений в Алагирском ущелье [62–64 и др.]. В отчет они не вошли [68, л. 39–40], осуществлялась ли перебелка, неизвестно, о ценности результатов глазомерной, как указала сама начальница экспедиции, съемки [Там же, л. 4], не привязанных к местности и безмасштабных, судить трудно. В фонде Евгении Георгиевны эти материалы, пожалуй, являют пример самого предметного и объемного изучения памятников традиционного строительства Осетии. В. Х. Тменов, являвшийся также фотографом экспедиции, при желании мог переснять их на месте либо скопировать позже, бывая у Пчелиной в Ленинграде [91, с. 12]. Свидетельств тому в архиве не отмечено, зато сам Виталий Харитонович по ее просьбе фотографировал и переводил для нее на кальку некие чертежи, которые выслал в Ленинград, по-видимому, в декабре 1965 г. [83, л. 1, 3].

Фонд Пчелиной включает цикл под условным названием «Описание земель Царазонта». В иллюстративной его части, по формальным признакам выделенной обработчиками из единого авторского комплекса и разбитой на ряд мелких дел, действительно имеются выполненные на кальке копии топопланов развалин Зарамагского укрепления в двух масштабах, зарисовок фасадов и разрезов башен в селах Лисри и Бад Алагирского ущелья Северной Осетии [65]. Изображения датированы июлем–сентябром то 1945-го, то 1946 г., причем в трех случаях цифры исправлялись, все надписи выполнены характерным почерком В. Х. Тменова. В письме к Евгении Георгиевне от 14 декабря 1965 г. он писал: «Переснимал в тех местах альбома, где были Ваши закладки» [83,

л. 3]. В нузальских материалах Пчелиной имеется самодельный конверт или складка с надписью ее рукой «Нузальская часовня / из альбома В. Л. Лакисова 1946 г. Перерисовка В. Х. Тменова» [69, л. 1]. Среди других материалов в ней находилась сходная копия зарисовок на кальке западного, южного и восточного фасадов строения, а также алтарной стены с фресками внутри него, на которых указаны размеры частей, а также имеется надпись: «Обмеры В. Л. Лакисова 1946 г. Копия В. Х. Тменова 1966 г.» [Там же, л. 2]. Источником послужил, как следует из записей, известный альбом художника Лакисова «Садонский район. Натуральная съемка и эскизы памятников архитектуры в Северо-Осетинской АССР», созданный в 1946 г., когда по следам войны определялся масштаб ущерба, фиксировалось состояние объектов, и хранящийся в архиве СОНИИ-СОИГСИ. Им пользовались в дальнейшем и сам Виталий Харитонович [89, с. 340; 90, с. 306], и другие исследователи [см., напр.: 37, с. 180]⁷. Копирование изображений для Евгении Георгиевны, которую хорошо знали в институте, ее ученик осуществлял, вероятно, с разрешения руководства. Само снабжения материалами, как видим, носило двусторонний и, надо полагать, вполне легитимный характер.

Коснемся теперь доступа к необработанным архивным фондам вообще и № 1017 в СПбФ АРАН, по сообщениям уважаемых авторов, открытого в «хранилищные» годы для неправомерного использования, в частности. Сейчас вопрос регулируется ведомственным документом — приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ (ныне Минкультуры) от 18 января 2007 г. № 19, абз. 2 п. 2.11.10 которого гласит: «Архивные документы, не прошедшие научного описания и технического

---

⁷ Архивный шифр в фондах Научного архива (Отдела рукописных фондов) СОИГСИ им. В. И. Абаева см. в указанных изданиях, уточнить современную номенклатуру не представилось возможности, на сайте учреждения описи отсутствуют.

оформления, из архивохранилища не выдаются...» [Правила...]. Сходные нормы действовали и ранее. О том, что персонально В. Х. Тменов едва ли мог «делать с архивом, что захочет», даже если бы вознамерился, свидетельствует переданное в СПбФ АРАН среди прочих материалов Н. Г. Пчелиным письмо осетинского ученого к его отцу, Георгию Николаевичу, от 23 марта 1979 г.: «Получили из архива официальный ответ (за № 14111/790/83 от 13.03.1979) на наш запрос о возможности работы с материалами Евгении Георгиевны. В письме говорится: „Сообщаем, что фонд Е. Г. Пчелиной находится в состоянии россыпи и на ближайшее время научно-техническая обработка фонда не планируется. Поэтому сотрудники вашего института не могут быть допущены к работе над фондом. Заведующая, к. и. н. В. И. Александрова“. Это письмо... отправлено уже после Вашего визита в Архив, где Вам было дано предварительное согласие на работу нашего сотрудника с материалами Евгении Георгиевны. Наш сотрудник был готов к выезду в Ленинград, но теперь мы все не знаем, что делать. ... Если не трудно, пожалуйста, позвоните в архив, насколько категоричен их отказ? Что нам следует сделать (в смысле официальной переписки) для сдвига дела с мертвой точки? ...судьба хранящихся в архиве материалов нам далеко не безразлична. ...

Более всего нас интересуют материалы по археологии и этнографии Осетии, та их часть, которую можно подготовить к изданию. Поэтому в переговорах с архивным начальством, думается, необходимо заострить вопрос именно на этом» [81, л. 6].

Подчеркнем: речь шла не только о работе с архивом Евгении Георгиевны, но и об издании ее работ. Полученный отказ явно огорчил заинтересованную сторону, но был обусловлен, по всей видимости, практической невозможностью допуска к фонду. Таким образом, правила хранения фондов соблюдались в учреждении и в то время, которое

большой ученый Б. А. Калоев обозначил как не слишком строгое — при всем уважении к пользователям.

Наконец, для оценки обоснованности версии «разграбления» архива Пчелиной нужно представлять его характер в первоизданном виде. Действительно, по преимуществу он был подготовлен и уложен в папки ею самую, однако исходная систематизация отражала авторское видение, подчас далекое от формальной логики. Известная стройность нынешних описей фонда — плод титанического труда сотрудников отдела обработки, изначально картина была во многом иной. В каком порядке на каком этапе хранения выстраивались папки, сейчас сказать трудно; в ходе НТО тематические комплексы подбирались из разных частей россыпи. Воры интеллектуальной собственности, надо полагать, едва ли стремились бы к распотрошению первых попавшихся рукописей. Внутри же объемистых папок, даже сумей недобросовестные личности вычленив интересующие их части фонда, ждали бы новые папки, свертки, сгибки, конверты и конвертики, клееные свитки до 20 м длиной, десятки тысяч «карточек» — записей, в основном библиографических, на мелких листках, страницы рукописей с гроздьями прикрепленных ржавыми скрепками примечаний и дополнений, под тяжестью которых они рвались при неосторожном поднятии. Чтобы разбирать все это, даже вникшим в дело обработчикам требовались дни и недели, а также немало квадратных метров столов и всех пригодных поверхностей. Создание подобных условий для «черных исследователей» в помещениях отдела обработки и тем более коломяжском хранилище заведомо исключено. Характер россыпи фонда Пчелиной (слипание отдельных частей, многократная согнутость, совпадение контуров окислившихся скрепок со следами на бумаге и пр.) свидетельствовал о его непо потревоженности с момента формирования.

Охрана научных богатств — лишь одна из задач академического архива, другой является обеспечение доступа к ним. Представление о том,

что под прикрытием трудностей фонд Пчелиной благополучно похоронили на полвека, опровергают факты — правда, неизвестные широкой аудитории. Попытки начать работу предпринимались еще в советское время: об этом свидетельствует, в частности, контрольный лист от 19 февраля 1981 г., подписанный «Никифоровым», имеющийся при машинописи работы «Материалы по истории Уаллагира. Шесть колен рода Багатара», а также наклейка на папке, в которой она находилась [61, л. 190]. Единице тогда был присвоен шифр: фонд 1017, опись 1, № 5. По-видимому, далее дело существенно не продвинулось, однако заняться фондом пытались.

В 2001 г. СПбФ АРАН возглавила Ирина Владимировна Тункина. При всем обилии проблем и задач, понимая значимость исследовательских материалов Пчелиной, новый директор приняла меры к поиску финансирования сверхплановой обработки фонда, решения задачи иными способами [93, с. X; 14, с. 13]. Посильную помощь оказывали родственники Евгении Георгиевны — невеста и внук, при участии которых, по-видимому, были достигнуты договоренности о сотрудничестве с директором Эрмитажа чл.-корр. РАН М. Б. Пиотровским. В фонде имеется проект соглашения о подготовке СПбФ АРАН к публикации «Архива экспедиций и неизданных работ Пчелиной Евгении Георгиевны с 1926 по 1969 гг.» с расходами в скромной ныне сумме, эквивалентной 1500 долларов США [81, л. 3–5]. К сожалению, начинание осталось нереализованным.

В 2012 г. фонд № 1017 был включен в перспективную программу научно-технической обработки, осуществить которую снова не удалось (в отделе было три обработчика: новичок, заведующий и лаборант). Основные проблемы обработки фонда Е. Г. Пчелиной заключались в малом числе сотрудников, на которых могла быть возложена обязанность проводить ее в рамках должностных функций, трудности привлечения

сторонних специалистов и консультантов на безвозмездной основе, отсутствии площадей для размещения документов и дезинфекционного оборудования. Решить их могло дополнительное финансирование из любых источников. Попытки руководства изыскать его остались без поддержки, но сведения о них и действительно нелучших, пусть вынужденно, условиях хранения россыпи фонда, как можно предположить, вызвали реакцию осетинской научной общественности. Л. А. Чибиров в своей статье отметил: «...материал, увезенный исследовательницей в Санкт-Петербург, до сих пор не обработан, лежит и портится в мешках в архивах. После ухода Евгении Георгиевны из жизни дирекция СОИГСИ неоднократно пыталась приобрести и обработать богатейшие архивы Пчелиной, но безрезультатно: в постсоветское время на товарно-денежные сделки переходят и некоторые архивные учреждения» [96, с. 39–40]. Научные ценности, вероятно, не лучший предмет для торга, а поиск средств на внеплановые работы не тождественен корыстным устремлениям. Подразумевался только СПбФ АРАН или архивы иной территориально-ведомственной принадлежности, где имеются материалы Е. Г. Пчелиной, сменившей не одно место работы, в каких мешках они портились, выяснять уже вряд ли стоит. Порчей, возможно, была обозначена дошедшая (в связи с активностью Т. В. Дадяновой или независимо от нее) информация о загниваемости единиц фонда, которая серьезно осложняла задачу НТО необходимостью дезинфекции, микологического контроля и обеспечения безопасности сотрудников.

Это представляло серьезную проблему и красноречиво свидетельствовало об условиях функционирования филиала, хотя не следует представлять его хранилища затянутыми паутиной погребами. Помещение в Коломягах соответствовало базовым требованиям, и архив Пчелиной «портился» там не все годы своего пребывания, хотя со

временем перестало функционировать отопление и пр. [24, с. 89]. Но в 2015 г., к сожалению, в здании случился локальный пожар. Он не затронул хранилища, но действия отечественных борцов с огнем, щедро заливающих очаг возгорания потоками воды, часто наносят больший ущерб, нежели само пламя. Была выведена из строя электропроводка, в помещения проникла сырость. Как следствие на стенах, стеллажах, папках начал возникать белый плесневый налет, визуально напоминавший снежную изморось. В неизбежно отлагающейся на поверхности папок и других упаковок пыли ускорилось размножение условно-патогенных и способных расти на целлюлозе микроорганизмов [9, с. 81].

На заседании дирекции филиала было решено принять меры в рамках возможностей учреждения. Осуществлять работу с фондом в хранилище было затруднительно. Вооружаясь средствами индивидуальной защиты, сотрудники ОФКиВА в непроницаемой упаковке перевезли порядка 7 м россыпи в небольшое хранилище № 21 при отделе, располагавшемся в двухэтажном здании академической поликлиники во дворе СПбНЦ РАН на Университетской набережной. Для дезинфекции материалов заведующим ЛКРД к. т. н. А. А. Галушкиным был рекомендован метод, разработанный З. А. Загуляевой и К. И. Андреевой и использованный при спасении фондов, пострадавших от воды и плесени в связи с пожаром в БАН (14 февраля 1988 г.). Он был определен как наиболее быстрый и эффективный, исключая негативное воздействие на здоровье персонала [92, с. 110; 4, с. 31, 32]. Способ предусматривал помещение в замкнутый объем пораженных документов и антисептика фенольного типа — порошкового тимола, обладающего антимикробной и противогрибковой активностью. Для этого использовались прочные мусорные пакеты большого объема, выдерживание материалов длилось два месяца (тимол — достаточно «мягкий» антисептик, широко используемый в фармакологии и пчеловодстве, он действует не

мгновенно), месяц отводился на проветривание. Микроорганизмы в результате действительно уничтожались, но проблемой стало проветривание обеззараженных документов. Главный недостаток тимола — специфический резкий запах, напоминающий жженую резину. В тесном помещении отдела обработки, не приспособленном для подобного использования, приходилось в любую погоду держать открытыми окна, а сотрудникам периодически его покидать. Этап проветривания затянулся дольше плановых сроков, запах от бумаг ощущался значительное время спустя, и когда черед комплексной обработки архива все-таки настал, указанный метод не применялся.

НТО первой очереди фонда Пчелиной была начата, как только это стало физически возможно. Являясь внеплановой, без дополнительной оплаты, она выполнялась по мере возможности. Одной из первых была идентифицирована часть диссертации-монографии, аккумулировавшей результаты многолетнего изучения святилища Реком (в настоящее время собранный текст готовится к изданию коллективом специалистов СПбФ АРАН и других научных учреждений). Однако в целом практика еще раз подтвердила, что фонд необходимо охватывать целиком, а не прорезать секторальной выборкой. Начало работы с материалами Е. Г. Пчелиной задерживал намечавшийся переезд в новое здание, где ее можно было провести в более удобных условиях. Тем не менее, обработка стояла в планах, когда фондом деятельно заинтересовалась Т. В. Дадянова.

Она посетила СПбФ АРАН с ходатайством о допуске к материалам Пчелиной в августе 2016 г. — очевидно, во время собственного отпуска, но также вообще летних отпусков. Последнее не помешало сложиться впечатлению, что руководство уклонилось от контактов, усиленному отказом в ходатайстве, как правило, неприятном для самих работников архива. Тамаре Владимировне была разъяснена нормативная и техническая невозможность допуска к фонду, находящемуся в отдаленном хранилище и

микологически небезопасном состоянии. Оставив заявление на имя директора, она встретила с внуками Е. Г. Пчелиной — Николаем Георгиевичем и Михаилом Георгиевичем (интересно, знали ли они, что их «интервьюируют», а не просто беседуют для знакомства), после чего начала энергичную компанию обращений ко всем возможным лицам, во все органы и организации, которые виделись способными повлиять на ситуацию. Образцы пламенных писем в филиал АРАН с известиями о предпринятых шагах, призывами не сидеть сложа руки и сообщать о ходе процесса, даны в приложение 1. Ответы директора учреждения И. В. Тункиной и заведомо обработки М. В. Мандрик (там же; [14, с. 12–14]) с подробным разъяснением причин «простаивания» фонда Пчелиной, объективных трудностей и возможных путей их преодоления воспринимались, по-видимому, чиновными отписками, маскирующими бюрократическую инертность и уклонение от прямых обязанностей по вводу в научный оборот материалов, давно ожидаемых исследователями и остро необходимых в текущий период [Там же, с. 14]. Эмоциональные послания Тамары Владимировны в сам филиал и вышестоящие инстанции влекли главным образом дополнительную нагрузку на ответственных лиц и исполнителей, вынужденных готовить развернутые ответы заявительнице и вести дополнительную переписку. Тем не менее, докладывая в связи с обращениями Т. В. Дадиановой о положении с фондом № 1017 директору Архива РАН, при его санкции руководство филиала готово было в порядке исключения обеспечить доступ исследовательницы к фонду, что требовало целого комплекса мер и нарушало плановую работу отдела ОФКиВА (сл. записка от 5 октября 2016 г.). Возможно, стремление Тамары Владимировны увидеть документы Е. Г. Пчелиной к тому моменту несколько остыло, и сложную задачу реализовывать не пришлось.

Решающий этап в истории фонда наступил, когда его обработка была включена в план государственных мероприятий по подготовке и проведению празднования 1100-летия крещения Алании. Совместные усилия представителей научного и не только сообщества, органов власти дали положительный результат. Поскольку сроки были поставлены сжатые, рассматривались два варианта технического решения: выделение необходимой для юбилейных нужд части фонда и скорейшее обеспечение доступа к ней специалистов, с последующей НТО оставшегося массива в плановом режиме, либо единовременная обработка всего фонда с привлечением сверхштатных сил. Выбран был второй путь. Распоряжение директора Департамента координации деятельности научных организаций Минобрнауки России К. А. Швед гласило: «...в рамках исполнения поручения, содержащегося в пункте 11 протокола заседания организационного комитета по подготовке и проведению празднования 1100-летия крещения Алании от 30 сентября 2018 г. № 1, по вопросу обеспечения доступа исследователей истории православия к фондам ученого-кавказоведа Е. Г. Пчелиной, хранящимся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, просим предоставить информацию по необходимым площадям, с учетом нормативных требований для технической и научной обработки документов фонда с расчетом необходимых затрачиваемых ресурсов для проведения процедур по обеспыливанию и дезинфекции фонда» (вх. № МН-9.4/692 от 20.12.2018). Необходимая документация была немедленно подготовлена, и в 2019 г., хотя и с некоторым запозданием, Архиву РАН были выделены средства. Его филиалу СПбНЦ РАН отвел на время работы с фондом небольшую площадь в своем здании (цокольный этаж), в чем ранее долго отказывалось. Главной базой стало предоставленное несколько ранее для иных целей просторное помещение в старинном здании, занимаемом филиалом Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн им. Н. В. Пушкова РАН

(Университетская наб., д. 5Б, вход с Менделеевской линии). С 9 июля в работу с фондом под руководством сотрудников ОФКиВА включилась группа внештатных специалистов. Решением Центральной экспертной комиссии СПбФ АРАН от 19 ноября 2019 г. фонд № 1017 был принят на государственное хранение.

Историю непосредственной обработки фонда Е. Г. Пчелиной частично изложили ее руководители, организаторы и деятельные участники [93; 23; 24; 36]. В докладе на I Пчелинских чтениях заведующая отделом обработки к. и. н. Е. Г. Застрожнова ярко, с иллюстративными и статистическими материалами, представила все ее этапы, однако текст в сборник материалов не вошел. Вероятно, оригинальный методически опыт ускоренной коллективной обработки сложного фонда в дальнейшем будет обобщен, его герои поделятся наработками и впечатлениями, вызвав заслуженный интерес профессиональных архивных кругов и более широкой аудитории.

Обработка фонда к настоящему времени была бы, вероятно, осуществлена в любом случае. Более раннее ее завершение, без сомнения, способствовало успехам отечественного кавказоведения. Стоит отметить роль всех должностных, сумевших найти административное решение вопроса, по существу с предстоящим юбилеем прямо не связанным. Проблемой христианизации алан Е. Г. Пчелина целенаправленно не занималась, построенная в XIII–XIV в. Нузальская часовня — не самый древний церковный памятник даже в Осетии. Сделанные в 1946 г. ее фотографии имеются в архиве СОИГСИ. Описание здания и погребения в нем, фресок были известны, о полезности для консервации росписей незавершенного исследования о них, имеющегося в фонде, судить трудно. К декабрю 2018 г., когда началось практическое оформление госзадания по обработке фонда Пчелиной, комплексная реставрация Нузальской часовни шла полным ходом, часть работ уже была выполнена [39; 6]. Пример

разрешения многолетней проблемы, пускай одной из многих в сфере науки и культуры, показывает, что «в кабинетах» сидят отнюдь не бездушные исполнители предписаний, хотя действовать им приходится в рамках последних.

Мы не располагаем конкретными сведениями о той несомненной роли, которую сыграла Т. В. Дадянова в победном итоге долгой борьбы за введение наследия Пчелиной в научный оборот. Одним из побудительных мотивов ее и не только активности была необходимость использования материалов фонда для реставрации Нузальской часовни в преддверии знаменательной даты. Упоминалось также ранее восстановленное святилище Реком, причисленное Тамарой Владимировной к средневековым храмам Осетии⁸ (см. приложение 1, письмо от 09.01.2017). На деле реставрация часовни шла согласно утвержденному графику, солидная документация об объекте, включая предшествующие ремонты и пр., имеется в соответствующих охранных и других органах управления РСО-А. В 2020 г., когда фонд Е. Г. Пчелиной фактически стал доступен исследователям, уже начались раскопки грунтового могильника, выявленного на прилегающей к памятнику территории четыремя годами ранее [12, с. 98; 40]. До начала подготовки СПбФ АРАН к переезду в новое здание (сентябрь 2021 г.), несмотря на закрытие учреждения для пользователей, фонд оставался доступен для ученых. Однако наплыва их, в том числе из Осетии, не отмечалось. На трех Пчелинских чтениях преобладающее число сообщений, связанных с материалами Евгении Георгиевны, делали сотрудники СПбФ АРАН, специалистами в кавказоведении не являющиеся. Вероятно, ситуация изменится после

---

⁸ По мнению других исследователей, Реком функционировал как церковь лишь в определенный период существования [32, с. 118–120], а также почитался приверженцами равно традиционного и христианского культов [94, с. 30].

открытия просторных читальных залов, исследователи успеют подготовить новые работы к указанному торжеству.

Отдадим должное неравнодушным людям, обычно малоудобным для окружающих и чиновников всех рангов — благодаря им шестерни неспешного по природе казенного механизма подчас движутся быстрее, удается достичь того, что заняло бы годы решения «в установленном порядке». Таранная активность Т. В. Дадиановой несомненно повлияли на ситуацию с фондом Пчелиной, сыграла роль в консолидации действий различных сил, позволивших одолеть хроническую, пусть единичную проблему. Необходим реальный взгляд: многое определяется общим положением в государстве, сфере, отрасли, учреждении. В конкретных сложностях часто действительно никто не виноват, от председателя правительства до рядового делопроизводителя, действующих в пределах полномочий, технических и бюджетных возможностей. Бывает, что требуются индивидуальные меры, и в случае их принятия ситуация — пускай данная, частная — выправляется, как это произошло с архивом Евгении Георгиевны. За что следует поблагодарить всех: тех, кто выступил с инициативой, региональные и федеральные власти, руководителей подразделений АРАН, сотрудников, выполнивших обработку фонда в ударном темпе.

Заключение

Завершая не столько полемическую, сколько информационную заметку, не хотелось бы оставить превратного впечатления сведения неких окологорпоративных счетов, ловли автора на неточностях и мелких ошибках. Тамара Владимировна Дадианова в короткий срок собрала интересные данные и материалы (история семьи Г. С. Бенедиктовича, составленная Пчелиной программа археологических экскурсий по территории Ярославской губернии на 1920 г., снимки Евгении Георгиевны

в молодости и зрелые годы, адрес и фотография дома в столице Северной Осетии, где она проживала в периоды работы там), представила их так, как удалось, среди многих дел, задач, трудов. Проделанная работа содержательна и объемна, предпринятые усилия не остались бесплодными. Желательно разве что вернуть методологии автора несомненный, казалось бы, принцип: в любую ситуацию следует вникнуть, претензии должны быть обоснованы, особенно если выводятся в публичную сферу. Частная информация нуждается в проверке. Персональные мнения имеют вес, когда высказываются признанными специалистами в пределах их компетенций. Выносить на общественную трибуну набор сведений без критической оценки и частью просто внимательного изучения, делать скорые заключения и тем более повторять их видится малопродуктивным. И, наконец: общая победа одержана, результат достигнут, к чему поминать старое и тревожить колокол «дней бед народных»?

Надеемся, что представленные уточнения будут способствовать широкому использованию статьи Т. В. Дадяновой как полноценного источника сведений о биографии и научных трудах неординарной личности и крупного ученого, наследие которого только ждет подлинного освоения — Евгении Георгиевны Пчелиной. А приведенные сведения из действительно сложной, хотя и не единичной судьбы фонда № 1017 СПбФ АРАН помогут точнее представить его путь от поступления в архив до выдачи дел в читальный зал — полувековую, но все-таки пройденную дистанцию.

Приложение 1

Выбранные места из переписки

ст. н. с. Ярославского высшего военного училища

противовоздушной обороны д. ф. н., проф. Т. В. Дадяновой

**с заведующей отделом обработки фондов, комплектования
и ведомственных архивов СПбФ АРАН к. и. н. М. В. Мандрик
по поводу личного фонда Е. Г. Пчелиной**

22.09.2016, Т. В. Дадианова — М. В. Мандрик

Уважаемая Мария Вячеславовна!

Рада, что Вы откликнулись в ответ на письмо-ходатайство от 5 августа 2016 года руководителя вуза, где я тружусь, генерал-майора А. А. Ильиных — начальника ЯВВУ ПВО. В нём шла речь о моём допуске поработать с архивом Е. Г. Пчелиной. Я даже специально приезжала в СПб⁹, дабы встретиться с директором СПб-го филиала Архива РАН И. В. Тункиной и понять причину 4-х десятилетнего недопуска ученых работать с ним. Мною проинтервьюировано немало археологов, этнографов, историков, краеведов, жаждущих прикоснуться к нему. Многие уже состарились и потеряли надежду пообщаться с ним! Это не только жители Осетии, но и Москвы и СПб. Но, к сожалению, встреча с И. В. Тункиной не состоялась, якобы она в день моего приезда ушла в отпуск. Посему я свои соображения изложила в письменной форме и зарегистрировала их 11 августа у ученого секретаря Л. Д. Бондарь.

Кроме двух сотрудников Эрмитажа — внуков Е. Г. Пчелиной: Н. Г. и М. Г. Пчелиных и сотрудника Музея антропологии и этнографии С. А. Штыркова я подключила Президента Южной Осетии Л. Х. Тибилова, епископа Владикавказского и Аланского Леонида, руководителя архивной службы РСО-Алании Н. В. Чиплакову, директора Северо-Осетинского института гуманитарных исследований З. В. Канукову, с. н. с. Национального музея краеведения РСО — Алании Э. С. Кантемирова и др.

---

⁹ Сохранены орфография и пунктуация оригиналов.

Грядёт 1100-летие Крещения Алании. К знаменательному юбилею необходима реставрация Нузальского храма (XIV век), на территории которого производила раскопки в 1946 году Е. Г. Пчелина. К реставрации уже подключена группа специалистов из «Коневских реставрационных мастерских» под руководством Е. В. Глубиной. Потребуется для их быстрой и успешной работы исследования археолога-осетиноведа Е. Г. Пчелиной. Но опять-таки может последовать Ваш отворот-поворот от архива, как было несколько лет назад, когда зашла речь о реконструкции осетинского святилища «Реком», который тоже исследовала Евгения Георгиевна.

Я, конечно, как Вы отмечаете, не совсем хорошо представляю себе сам процесс обработки, и что без помощи специалистов в кавказских языках не обойтись. Но я принадлежу к этому этносу. Будучи культурологом, не могу понять, почему так непростительно долго (44 года!) архив незаурядного археолога и этнографа Е. Г. Пчелиной не служит на благо людям?

Напрашивается и другой вопрос, почему надо найти именно 14 миллионов рублей на обработку её архива? Как образовалась эта сумма (пользуюсь информацией, почерпнутой мной 15 августа из беседы со с. н. с. Эрмитажа Н. Г. Пчелиным)? Неужели обработка 20 м архивных полок (1 м — длина, 30 см — глубина, полка — 20) стоит 14 миллионов? И цел ли архив? Консультировалась с опытными руководителями архивов, они не верят, что так долго не обрабатывается архив. Говорят, что если бы у них такое случилось, то их бы уже давно не было в этой сфере. Другие ученые рассуждают, что материалы пчелинского архива, наверное, похищены, либо из-за ненадлежащего ухода испорчены и списаны.

Идея получения гранта, которым Вы предлагаете мне и моим коллегам воспользоваться для научного разбора и описания наследия Е. Г. Пчелиной, приходила до Вас и другим мною интервьюируемым. Но у

большинства из них был вопрос, а **что именно СПб-ом филиале архива РАН осталось** из того, что она сама отправила Вам в грузовике, предварительно упаковав в мешки? **Этот факт интересен и директору Эрмитажа М. Б. Пиотровскому!** Тем более я опросила двух ваших сотрудников, и они подтвердили, что наследие Е. Г. хранится в Коломьягах в ненадлежащих условиях: в овощехранилище, на 6-ом этаже, в луковом отделении, загрибковано, так как было залито водой и заморожено. Сейчас пребывает в холоде. <...>

Я в юности закончила очную аспирантуру ЛГУ, который находится неподалеку от Вас, и не могла предположить, что такое равнодушие и волокитство может происходить в СПб в Архиве РАН! Рядом с детищем Петровым — Кунсткамерой (ныне МАЭ). 44 года архив Е. Г. Пчелиной вычеркнут из культурного пространства и ещё пропадает! Я намериваюсь во Владикавказе установить мемориальную доску в её честь. Мои друзья-краеведы по моей просьбе прислали снимки дома, где она жила. В августе я организовала и поездку в Урсдонское ущелье, где она проводила раскопки. До этого, в июле 2016 г., нашла в Ярославле рукопись, принадлежащую Е. Г. Пчелиной, написанную во время её пребывания в нашем городе и атрибутировала. Помогла книга: Е. Г. Пчелина. «Ossetica», Владикавказ, 2013, где имеются образцы её почерка.

Почему же Ваш непосредственный начальник, опытный архивист и учёный И. В. Тункина давно не стремится получить грант на обработку архива Е. Г. Пчелиной? Международная обстановка накалена. ... Наследие выдающегося советского и российского учёного Е. Г. Пчелиной помогло бы упрочению культуры и православия. У русских и осетин имеется и ещё одна общая черта: и те и другие получили вероисповедание из Византии. Примечательно, что предки осетин немного раньше своих собратьев.

Всегда рада помогать,

с надеждой на быстреее решение проблемы — введение в культурный оборот наследия Е. Г. Пчелиной
культуролог, доктор философских наук, профессор, член Союза журналистов России, член Международной ассоциации эстетиков, руководитель Ярославской национально-культурной автономии «Алания»

Т. В. Дадианова

22 сентября 2016 года, Ярославль

24.09.2016, Т. В. Дадианова — М. В. Мандрик

Уважаемая Мария Вячеславовна, как продвигаются Ваши-наши дела по расконсервированию наследия Е. Г. Пчелиной? Сообщите, пожалуйста, вкратце, кто ещё обратился в СПбФ АРАН по поводу интереса к архиву Евгении Георгиевны?

Жду! ...

Т. В. Дадианова

26.09.2016, М. В. Мандрик — Т. В. Дадиановой

Уважаемая Тамара Владимировна!

Переслала Ваше письмо И. В. Тункиной, и Вы уже получили на него ответ.

Я также отвечу по порядку на Ваши вопросы.

- «Понять причину 4-х десятилетнего не допуска ученых к фонду Пчелиной» легко архивисту: у нас за это время количество сотрудников уменьшилось в 3 раза, велось и частично продолжается вопреки всему комплектование новыми документами, при этом площадь архива не

увеличилась. К сожалению, кроме ф[онда] Пчелиной в архиве много и других достойных ученых, чьи фонды ждут своей очереди столько же лет, но пока у нас в отделе было 3 сотрудника, говорить о массовой обработке фондов не приходилось. В настоящее время у нас 5,75 ставки (среди них и ставка лаборанта, который только оформляет обложки), но это все молодые сотрудники, которые еще учатся, и давать им огромный фонд нет смысла.

- «Но, к сожалению, встреча с И. В. Тункиной не состоялась, якобы она в день моего приезда ушла в отпуск»: директор и в самом деле была в отпуске и в этом не было никакого злого умысла, Ирина Владимировна всегда общается с исследователями, если имеет возможность.

- «Кроме двух сотрудников Эрмитажа — внуков Е. Г. Пчелиной: Н. Г. и М. Г. Пчелиных и сотрудника Музея антропологии и этнографии С. А. Штыркова я подключила Президента Южной Осетии Л. Х. Тибилова, епископа Владикавказского и Аланского Леонида, руководителя архивной службы РСО-Алании Н. В. Чиплакову, директора Северо-Осетинского института гуманитарных исследований З. В. Канукову, с. н. с. Национального музея краеведения РСО — Алании Э. С. Кантемирова и др.»: если ВСЕ эти лица готовы помогать в научно-технической обработке (НТО) фонда, я буду только рада, но это, увы, не так. К сожалению, от того, что они будут забрасывать архив письмами, дело с мертвой точки не сдвинется.

- «Грядёт 1100-летие Крещения Алании. К знаменательному юбилею необходима реставрация Нузальского храма (XIV век), на территории которого производила раскопки в 1946 году Е. Г. Пчелина. К реставрации уже подключена группа специалистов из «Коневских реставрационных мастерских» под руководством Е. В. Глубиной. Потребуются для их быстрой и успешной работы исследования археолога-осетиноведа Е. Г. Пчелиной. Но опять-таки может последовать Ваш отворот-поворот от

архива, как было несколько лет назад, когда зашла речь о реконструкции осетинского святилища «Реком», который тоже исследовала Евгения Георгиевна»: *до крещения есть еще чуть больше года, за это время можно только провести дезинфекцию и успеть просмотреть все папки на наличие документов по теме. Но если Вы готовы просматривать недезинфицированные документы (в маске и перчатках), то можно попробовать, т. к. для восстановления церкви они могут быть очень полезны. Правда, есть два «но» — на них нельзя будет ссылаться, т. к. у дел фонда еще не будет шифров, и ГДЕ проводить просмотр документов — в Коломягах, где для этого нет условий, или где-то еще — в самом архиве в настоящее время нет свободного места, что перевозки всего фонда (см. последний пункт).*

- «Я, конечно, как Вы отмечаете, не совсем хорошо представляю себе сам процесс обработки, и что без помощи специалистов в кавказских языках не обойтись. Но я принадлежу к этому этносу. Будучи культурологом, не могу понять, почему так непростительно долго (44 года!) архив незаурядного археолога и этнографа Е. Г. Пчелиной не служит на благо людям?»: *нет специалистов для обработки, и нет у архива возможности оплачивать консультантов. НТО — это не просто раскладка бумаг по папкам, это кропотливый научный процесс и надо понимать, что ты делаешь, и что написано... Возможно, нашим предшественникам не хватило смелости взяться за такой сложный и объемный фонд, понимая, что не будет поддержки со стороны специалистов. Да и «бытовых» условий в архиве для этого не было и нет (см. последний пункт).*

- «Напрашивается и другой вопрос, почему надо найти именно 14 миллионов рублей на обработку её архива? Как образовалась эта сумма (пользуюсь информацией, почерпнутой мной 15 августа из беседы со с. н. с. Эрмитажа Н. Г. Пчелиным)?»: *я не в курсе, откуда взялась эта цифра,*

но если делать НТО фонда вне плана и за оплату, то у нас есть официальный прейскурант (из Москвы), и не исключая, что по его расценкам и с учетом объема фонда, может набежаться и такая сумма (в нем учитывается все виды работы, вплоть до снятия скрепок с листов и переключивания листов из папок на стол). Но, в любом случае, считаю эту сумму слишком завышенной, тем более, что мы можем делать работу по плану, необходимо только оплачивать работу консультантов.

- «Неужели обработка 20 м архивных полок (1 м — длина, 30 см — глубина, полка — 20) стоит 14 миллионов?»: *не знаю, откуда у Вас эти данные, т. к. даже я не помню точное кол[ичество]во полок, но фонд составляет 2804 см, и я не уверена, что это его истинные размеры, они могут быть и больше.*

- «Консультировалась с опытными руководителями архивов, он не верят, что так долго не обрабатывается архив. Говорят, что если бы у них такое случилось, то их бы уже давно не было в этой сфере»: *не могу судить о других архивах, но в нашем находятся десятки необработанных фондов, т. к. 1) маленький штат, 2) нехватка места для полноценной НТО, 3) специфика фондов — это документы ученых разных специальностей, в основном академиков, их НТО довольно трудоемкий процесс, требующий больших временных затрат. Однако, несмотря на сложные условия работы, сотрудники отдела ежегодно сдают на госхранение 2–3 фонда, что явно свидетельствует о нашей работе.*

- «И цел ли архив? Другие ученые рассуждают, что материалы пчелинского архива, наверное, похищены, либо из-за ненадлежащего ухода испорчены и списаны. Тем более я опросила двух ваших сотрудников, и они подтвердили, что наследие Е. Г. хранится в Коломьягах в ненадлежащих условиях: в овощехранилище, на 6-ом этаже, в луковом отделении, загрибковано, так как было залито водой и заморожено. Сейчас пребывает в холоде»: *это голословные обвинения, я лично забирала часть*

фонд на дезинфекцию и могу Вас уверить, что фонд цел. Да, он хранится в Коломягах, где условия далеки от идеальных, но его НЕ заливало, все документы в порядке. Да, там есть грибки, но их более 15 видов и в нашем рабочем хранилище и даже в рабочих комнатах, так что все документы находятся почти в равном «загрибкованном положении»... И это не вина архива, у нас нет нормального помещения, и попытки его получить до последних лет терпели фиаско. В настоящее время нам строят новое здание.

- «Идея получения гранта, которым Вы предлагаете мне и моим коллегам воспользоваться для научного разбора и описания наследия Е. Г. Пчелиной, приходила до Вас и другим мною интервьюируемым. Но у большинства из них был вопрос, а что именно СПб-ом филиале архива РАН осталось из того, что она сама отправила Вам в грузовике, предварительно упаковав в мешки?»: *осталось ВСЁ, что привезла Е. Г. Пчелина.* <...>

- «Я в юности закончила очную аспирантуру ЛГУ, который находится неподалеку от Вас, и не могла предположить, что такое равнодушие и волокитство может происходить в СПб в Архиве РАН! Рядом с детищем Петровым — Кунсткамерой (ныне МАЭ). 44 года архив Е. Г. Пчелиной вычеркнут из культурного пространства и ещё пропадает!»: *я понимаю Ваши чувства, но так может написать любой исследователь, который ждет фонд определенного ученого. К счастью, мы получаем не только упреки за необработку фондов, но и благодарственные письма, за те фонды, что мы обработали за эти годы, а их немало!*

- «Почему же Ваш непосредственный начальник, опытнейший архивист и учёный И. В. Тункина давно не стремится получить грант на обработку архива Е. Г. Пчелиной?»: *прежде всего, И. В. Тункина директор и НТО фондов она не занимается, во-вторых, как я уже писала выше, фонд очень объемный и сложный, он потребует много сил для работы вне*

плана, а этих сил у нас просто нет. В-третьих, и это самое главное, НТО фонда влечет за собой ряд сопутствующих проблем, и пока они неразрешимы: объем фонда не позволяет в настоящее время перевезти его полностью в основное здание архива, и это объективное обстоятельство, с которым архив ничего поделать не может. Но, возможно, в этом как раз может помочь Ваша инициативность и те высокопоставленные лица, к которым Вы обращались. Рядом с архивом были, и уверена, еще есть свободные помещения... СПбНЦ РАН..., нам необходимо получить хотя бы одну комнату, куда можно было бы перевезти фонд целиком, провести дезинфекцию и начать раскладывать документы. Без свободного помещения все попытки начать полноценную работу будут сведены к нулю. ...

Резюмируя написанное: 1) архив с радостью примет помощь научных консультантов, 2) поможет в написании гранта... и 3) постарается сделать все возможное, чтобы был доступ к документам. Но чтобы все это произошло, необходимо вывезти весь фонд из архивохранилища в Коломьягах, а для этого необходимо найти свободное помещение, т. к. в настоящее время в хранилище можно расставить 2–4 метра папок, не более, что в настоящее время уже произошло.

С уважением,

зав. ООФКиВА Мария Мандрик

09.01.2017, Т. В. Дадианова — М. В. Мандрик

...Летом и осенью 2016 года я пообщалась с Николаем и Михаилом Пчелиными — внуками известного археолога и этнографа Е. Г. Пчелиной (1885–1972), сотрудниками Эрмитажа; директором Владикавказского Научного Центра РАН А. Г. Кусраевым — доктором физико-

математических. наук, проф., засл. деятелем науки РФ; директором Северо-Осетинского института гуманитарных исследований, д. и. н., проф. Кануковой З. В.; руководителем архивной службы РСО-Алании Н. В. Чиплаковой; с сотрудниками ин-та истории и археологии РСО-Алании. До этих контактов обратилась **письменно** к президенту Южной Осетии Л. Х. Тибиллову с просьбой помочь (финансово и научно) ввести в научный оборот пчелинский архив, подключив к работе ученых НИИ им. З. В. Ванеева Южной Осетии. Директор этого института Р. Х. Гаглов должен был приехать к Вам для установления связей и написания совместного плана действий по обработке наследия Е. Г. Пчелиной, много лет жизни посвятившей исследованию археологии и этнографии этого региона. Недавно назначенный главой Владикавказской и Аланской епархии епископ Леонид активно включился в поддержку моей инициативы по спасению и расконсервации архива Евгении Георгиевны. ...

Ещё раз на V Свято-Георгиевских чтениях во Владикавказе «Православие. Этнос. Культура» я выступила с сообщением 24 ноября 2016 года о важности изысканий Е. Г. Пчелиной для реставрации средневековых храмов Нузала и Рекома Северной Осетии. Доступ исследователей к её работам будет возможен только после возвращения её материалов и документов в лоно здания архива на Университетскую набережную. Пункт № 12 Резолюции этих чтений с моей подачи был внесён для привлечения исследовательского интереса и способствования поисков разных возможностей для быстрее продвижения его к ученым и реставраторам памятников архитектуры. **Грядет 1100-летие Крещения Алании!**

С уважением и надеждой на дальнейшее сотрудничество —

*Тамара Владимировна Дадьянова —
культуролог, доктор философских наук,
снс ЯВВУ ПВО (Ярославль)...*

Использованные источники:

1. VII Международная заочная научно-практическая конференция «Научный форум: филология, искусствоведение и культурология» // Научный форум [Электронный ресурс]. URL: <https://nauchforum.ru/conf/philology/vii/24837> (дата обращения 31.01.2022).
2. АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 697.
3. *Белецкий Д. В.* Заметки о нузальском храме // Историко-археологический архив. 2004. № 2. С. 22–57.
4. *Беляева И. М., Тилева Е. А., Старова Е. В.* Сотрудничество Библиотеки Академии наук и Лаборатории консервации и реставрации документов СПб Филиала Архива Академии наук по вопросам обеспечения сохранности документов // Труды Лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Вып. II. Актуальные проблемы сохранения архивных, библиотечных и музейных фондов: доклады Международного научно-практического семинара, посвященного памяти Д. П. Эрастова (С.-Петербург, 18–19 мая 2011 г.). СПб.: Реликвия (реставрация, консервация, музеи), 2011. 325 с. С. 26–38.
5. Бенедиктовы и Бенедиктовичи Беларуси // Всероссийское Генеалогическое Древо: интернет-проект по генеалогии. URL: https://forum.vgd.ru/1002/40509/100.htm?a=stdforum_view&o (дата обращения: 31.01.2022).
6. *Богазов А.* Закончен первый этап реставрации Нузальской часовни (03.09.2018) // Официальный сайт ГТРК «Алания». URL: <https://alaniatv.ru/zakonchen-pervyj-etap-restavratsii-nuzalskoj-chasovni/> (дата обращения: 31.01.2022).

7. *Богданов С. В.* Где погиб тверской князь Михаил Ярославич? (По поводу одной краеведческой книжки) // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2018. № 3. С. 119–143.

8. *Виноградов В. Б.* Еще раз о месте убийства Михаила Тверского, речке «Горесть» и «Славном граде яском Дедякове» (по поводу статей Е. Г. Пчелиной и В. А. Кучкина) // Ученые записки Чечено-Ингушского педагогического института. № 26. Сер. историческая. Вып. 7. Грозный: Чечен.-Ингушск. Книж. изд-во, 1968. Вып. 8. С. 62–70.

9. *Власов А. Д., Хосид Е. Г.* Микологический анализ состояния документов и среды хранения фонда Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН // Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной: сб. ст. по материалам научных чтений (С.-Петербург, 17–18 окт. 2019 г.) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2019. XXII, 242 с. С. 80–82.

10. Во Владикавказе состоялись V Свято-Георгиевские епархиальные чтения «Православие. Этнос. Культура» // Официальный сайт Владикавказской и Аланской епархии Русской православной. URL: <https://blagos.ru/content/vo-vladikavkaze-sostoyalis-v-svyato-georgievskie-eparhialnye-chteniya-pravoslavie-etnos> (дата обращения 31.01.2022).

11. *Вольная Г. Н.* Историк-кавказовед — Евгения Георгиевна Пчелина (к столетию со дня рождения). Армавир: Армавир. гос. пед. ин-т, 1995. 21 с.

12. *Габоева Л. Р.* Нузальский грунтовый могильник // Аланское православие: история и культура: сб. материалов VI Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура» / отв. ред. М. Э. Мамиев. Владикавказ, 2017. 312 с. С. 88–102.

13. *Гутнов Ф.* Жизнь, отданная кавказоведению // Северная Осетия. 2012. 25 июля. № 130. С. 3.

14. *Даддианова Т. В.* О необходимости спасения архива выдающегося археолога и этнографа Е. Г. Пчелиной (1895–1972) // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам VII международной заочной научно-практической конференции. № 5(6). М.: Междунар. центр науки и образования, 2017. 64 с. С. 5–16.

15. *Даддианова Т. В.* О необходимости спасения архива выдающегося археолога и этнографа Е. Г. Пчелиной (1895–1972) // eLIBRARY ID: 29783945. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29783945> (дата обращения 31.01.2022).

16. *Даддианова Т. В.* О необходимости спасения архива выдающегося археолога и этнографа Е. Г. Пчелиной (1895–1972) (17.08.2017) // Богослов.Ru: научно-богословский портал. URL: <https://bogoslov.ru/article/5469864> (дата обращения 31.01.2022).

17. *Даддианова Т. В.* О необходимости спасения архива выдающегося археолога и этнографа Е. Г. Пчелиной (1895–1972) // Дарьял. 2018а. № 6 (ноябрь-декабрь). С. 236–253.

18. *Даддианова Т. В.* О необходимости спасения архива выдающегося археолога и этнографа Е. Г. Пчелиной (1895–1972) // Официальный сайт литературно-художественного и общественно-политического журнала «Дарьял». 2018б. № 6. URL: https://www.darial-online.ru/material/2018_6-dadianova/ (дата обращения 31.01.2022).

19. *Дарчиев А. В.* Бронзовые колокола из осетинских святилищ в материалах Е. Г. Пчелиной // Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 2: К 125-летию со дня рождения Е. Г. Пчелиной / под ред. И. В. Тункиной [и др.]. СПб.: Реноме, 2020. XXII, 242 с. С. 79–89.

20. *Дарчиев А. В., Дарчиева С. В.* Колокола из святилища Дзвгисы-дзуар в рукописных материалах Е. Г. Пчелиной // Известия СОИГСИ. 2021. Вып. 41(80). С. 138–156.

21. Древняя часовня по-прежнему хранит свои тайны (01.06.2011) // Официальный сайт Постоянного Представительства Республики Северная Осетия-Алания при Президенте РФ [2006—2016]. URL: http://www.archive.noar.ru/news/full/kultura/drevnyaya_chasovnya_po-prezhnemu_hranit_svoi_tajny/ (дата обращения 31.01.2022).

22. *Ефимов М.* Монрепо от А до Я. Александр Павлович Николаи. Часть 2 // Официальный сайт газеты «Выборг». URL: <https://gazetavyborg.ru/news/monrepo-ot-a-do-ya-aleksandr-pavlovich--nikolai-ch7139/> (дата обращения: 31.01.2022).

23. *Застрожнова Е. Г.* Обзорение личного фонда Е. Г. Пчелиной (№ 1017) в СПбФ АРАН // Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной: сб. ст. по материалам научных чтений (С.-Петербург, 17–18 окт. 2019 г.) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2019. XXII, 242 с. С. 61–79.

24. *Застрожнова Е. Г., Хосид Е. Г.* Фонд Е. Г. Пчелиной в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: опыт микологического изучения и контроля // Наука и техника: Вопросы истории и теории: материалы XL Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Научный Санкт-Петербург: К 295-летию Российской академии наук» (С.-Петербург, 28 октября — 1 ноября 2019 г.). Вып. XXXV. Сер.: «Наука и техника: Вопросы истории и теории» 2019. СПб.: С.-Петербургский филиал Ин-та ист. естеств. и техники им. С. И. Вавилова РАН; Саратов: Амирит, 2019. 328 с. С. 88–89.

25. Кавказский календарь на 1906 год / Закавказский статистический комитет; под ред. ст. ред. стат. отдела Д. Д. Пангирева. Тифлис: тип. К. П. Козловского, 1906. 629 с.

26. Кавказский календарь на 1908 г. / издан по распоряжению наместника Его Императорского Величества на Кавказе при Закавказском

статистическом комитете; под. ред. ст. ред. стат. отдела Д. Д. Пагирева. Тифлис: тип. К. П. Козловского, 1907. 690 с.

27. Кавказский календарь на 1910 г.: в 2 ч. Ч. II / издан по распоряжению наместника Е. И. В. на Кавказе канцелярией Наместника; под. ред. вице-директора канцелярии В. В. Стратонова. Тифлис: тип. и переплетная т-ва «Либерман и Ко», [1909]. 363 с.

28. *Калоев Б. А.* Е. Г. Пчелина — ученый-кавказовед // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 98–111.

29. *Кетбиева М. З.* Выдающаяся исследовательница Кавказа Е. Г. Пчелина // Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа (Сухум, 28 ноября — 1 декабря 2011 г.): материалы. Сухум: Б. и., 2013. 396 с. С. 373–376.

30. *Крупнов Е. И.* Еще раз о местонахождении города Деякова // Славяне и Русь: К шестидесятилетию академика Бориса Александровича Рыбакова / отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1968. 472 с. С. 291–297.

31. *Кузнецов В. А.* Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Ир, 1990. 192 с.

32. *Кузнецов В. А.* Древности Алагирского ущелья. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. 176 с.

33. *Куссаева С. С.* Некоторые итоги археологических раскопок катакомбного могильника в ст. Змейской // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XVII. Орджоникидзе: Сев.-Осет. книж. изд-во, 1956. 378 с. С. 207–216.

34. *Кучкин В. А.* Где искать ясский город Тютяков? // Известие Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XXV. История. Орджоникидзе: Сев.-Осет. изд-во, 1966. 336 с. С. 169–183.

35. *Лолашвили И. А.* Тайна гробницы Давида Сослана. Тбилиси: Мецниереба, 1971. 120 с. (на груз. яз.).

36. *Малинина А. В.* Некоторые аспекты технического оформления фонда Е. Г. Пчелиной // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XLII Международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук «Наука и техника в годы бурь и потрясений (к юбилеям А. П. Карпинского и Л. С. Берга)» (С.-Петербург, 25–29 октября 2021 г.). Вып. XXXVII. СПб.: С.-Петербургский филиал Ин-та ист. естеств. и техники им. С. И. Вавилова РАН, 2021. 292 с. С. 253–254.

37. *Мамиев М. Э.* Православное христианство в позднесредневековой Осетии: Аланская традиция: дисс. ... канд. ист. наук / Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ, 2004. 231 с. // Национальная электронная библиотека. URL: РФ https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_002634870?page=177&rotate=0&theme=white (дата обращения 31.01.2022)

38. *Мамукаев Т. Б.* Тайна Нузальской часовни: Принадлежат ли исследуемые останки Давиду Сослану. Орджоникидзе: Ир, 1969. 124 с.

39. Нузальская часовня: спасти и сохранить // Северная Осетия. 2018. 27 июля. № 130(27609). С. 1, 3.

40. Нузальский могильник XII век // Официальный сайт Комитета по охране и использованию объектов культурного наследия Республики Северная Осетия-Алания. URL: <http://www.okn.alania.gov.ru/index.php/news/592> (дата обращения: 31.01.2022).

41. Общие вопросы по Центральному историческому архиву Грузии // Всероссийское Генеалогическое Древо: интернет-проект по генеалогии. URL: https://forum.vgd.ru/763/50403/910.htm?a=stdforum_view (дата обращения: 31.01.2022).

42. *Пиотровский Б. Б., Любин В. П.* Е. Г. Пчелина: некролог // Сборник трудов института истории, экономики, языка и литературы при совете министров СОАССР. Т. XXXI (История). Орджоникидзе: Ир, 1976. 248 с. С. 240–243.

43. *Полищук М.* Тамара Дадианова: «Мне некогда думать, что подумают другие»: интервью // IRISTON: сайт Московской осетинской общины. URL: <https://www.iriston.ru/story/kultura/tamara-dadianova-mne-nekogda-dumat-chto-podumayut-drugie/> (дата обращения 31.01.2022).

44. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук: утв. приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ от 18 января 2007 г. № 19 (ред. От 16.02.2009) // Официальный сайт Федерального архивного агентства (Росархива). URL: <https://archives.gov.ru/documents/methodics/OAD/data/attachments/pravila.pdf> (дата обращения: 31.01.2022).

45. *Пчелин Н. Н.* Екатерининская комиссия «О сочинении проекта Нового уложения» и современное ей русское законодательство. М.: печ. А. И. Снегиревой, 1915. 150 с.

46. *Пчелин Н. Н.* Сила и право в деятельности Петра Великого. Ярославль: Б. и., 1919. 14 с.

47. *Пчелина Е. Г.* По Курдистанскому уезду Азербайджана (путевые заметки) // Советская этнография. 1932. № 4. С. 108–121.

48. *Пчелина Е. Г.* Крепость «Зильде Машиг» // Советская этнография. 1934. № 3. С. 87–101.

49. *Пчелина Е. Г.* Армянские памятники на территории Азербайджанской ССР // Труды отдела [истории культуры и искусства]

Востока Государственного Эрмитажа. Т. III. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1940. 368 с. С. 243–256.

50. *Пчелина Е. Г.* Нузальская часовня — усыпальница Давида Сослана // *Растдзинад*. 1946а. 8 июня. № 115(6934). С. 3 (на осет. яз).

51. *Пчелина Е. Г.* Давид Сослан и Тамара // *Растдзинад*. 1946б. 23 авг. № 169(6988). С. 2 (на осет. яз).

52. *Пчелина Е. Г.* Почему я считаю, что в Нузальской часовне похоронен Давид Сослан // *Растдзинад*. 1946в. 1 окт. № 196(7015). С. 3 (на осет. яз).

53. *Пчелина Е. Г.* О местонахождении яского города Дедякова по русским летописям и исторической литературе // *Средневековые памятники Северной Осетии (Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960 гг. Т. II) / отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 164 с. С. 152–161. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 114).*

54. *Пчелина Е. Г.* *Ossetica: Избранные труды по истории, этнографии и археологии осетинского народа. Владикавказ: Золотое сечение, 2013. 328 с.*

55. Резолюция V Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура» // Официальный сайт Владикавказской и Аланской епархии Русской православной. URL: <https://blagos.ru/content/rezolyuciya-v-svyato-georgievskih-chteniy-pravoslavie-etnos-kultura> (дата обращения 31.01.2022).

56. Реставрация Нузальской часовни // Официальный сайт Комитета по охране и использованию объектов культурного наследия Республики Северная Осетия-Алания. URL: <http://www.okn.alania.gov.ru/index.php/news/214> (дата обращения 31.01.2022).

57. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 176.

58. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 223.

59. Российские объекты из списка Всемирного наследия ЮНЕСКО // Официальный сайт Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. URL: <http://unesco.ru/unescorussia/sites/> (дата обращения 31.01.2022).

60. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 1.
61. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 156.
62. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 184.
63. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 186.
64. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 187.
65. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 188.
66. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 647.
67. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 779.
68. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 824.
69. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 826.
70. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 832.
71. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 833.
72. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 836.
73. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 839.
74. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 840.
75. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 1077.
76. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 3.
77. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 5.
78. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 12.
79. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 17.
80. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 28.
81. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 39.
82. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 95.
83. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 112.
84. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 113.
85. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 27.

86. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 127.
87. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 4. Д. 130.
88. *Тменов В. Х.* «Город мертвых». (Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии). Орджоникидзе: Ир, 1979. 151 с.
89. *Тменов В. Х.* Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1984. 344 с.
90. *Тменов В. Х.* Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: РИПП им. В. А. Гассиева, 1996. 437 с.
91. *Тменов В. Х.* Юбилейные откровения // Ритмы истории: сб. науч. тр. Вып. 2.1 / под ред. Ф. Х. Гутнова; Сев.-Осет. гос. ун-т. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2004. 357 с. С. 11–14.
92. Труды лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Вып. I. Хранение и реставрация документов: методические рекомендации / под ред. К. И. Андреевой и Н. П. Копаневой; сост. З. А. Загуляева. СПб.: Реликвия, 2008. 200 с.
93. *Тункина И. В.* О фонде Е. Г. Пчелиной в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук // Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной: сб. ст. по материалам научных чтений (С.-Петербург, 17–18 окт. 2019 г.) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2019. XXII, 242 с. С. IX–XIV.
94. *Цуциев А. А.* О некоторых предметах христианского культа из святилища Реком // Известия СОИГСИ. 2021. Вып. 41. С. 17–36.
95. *Чибиров Л. А.* Междисциплинарный синтез в исследованиях профессора Е. Г. Пчелиной // Вестник Владикавказского научного центра. 2016а. Т. 16. № 1. С. 64–65.
96. *Чибиров Л. А.* Научное наследие Е. Г. Пчелиной как образец междисциплинарного исследования // Известия СОИГСИ. 2016б. № 19(58). С. 36–47.

97. *Ptschelina E.* Zwei Grabfunde aus der Zeit der Alan-Chosarischen Kultur im Nord-Kaukasus // *Artibus Asiae* (Leipzig). 1928–1929. Vol. 3. No. 2/3. S. 144–165.

98. *Pčelina E.* Ein Katakombengrab der Völkerwanderungszeit in Nordossetien // *Eurasia Septentrionalis Antiqua* (Helsinki). 1929. Vol. IV. S. 211–213.

99. *Ptschelina E. G., Stavisky B. J.* Kara-tepe — remains of a Buddhist monastery of the Kushan period in Old Termez (Preliminary communication on excavations of 1937 and 1961) // *Indo-Asian studies. Part 1* / Ed. by prof. dr. Raghu Vira. (Shata Pitaka Series, Indo-Asian Literatures, vol. 31). New Delhi (India): International Academy of Indian Culture, 1963. P. 193–202: 10 il.

Сокращения:

АГЭ — Архив Государственного Эрмитажа

АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

ВНЦ РАН — Владикавказский научный центр Российской академии наук

ЛКРД — лаборатория консервации и реставрации документов

МАИ — Московский археологический институт

НТО — научно-техническая обработка

ОФКиВА СПбФ АРАН — отдел обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук

РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук

РСО-А — Республика Северная Осетия — Алания

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СПбНЦ РАН — Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук

СОГУ — Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова

СОИГИ — Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований

СОИГСИ — Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева

СОНИИ — Северо-Осетинский научно-исследовательский институт